

Дарья Тоин

7 причин сожалеть

<https://litres.ru/74267959>

Аннотация

Приходилось ли вам сожалеть о чем-то? Нет, не стыдиться каких-то поступков, а именно сожалеть о том, что живёте не так, не с тем, что поступили неверно, хоть и вполне логично.. Сожалеть на протяжении многих лет. Я в этом преуспела.

Мне можно выдать приз за лучшую профуканную жизнь и поставить его на полочку наряду с другими статуэтками.

Жизнь не заканчивается на этом? Верно.

Лет десять назад мы были почти друзьями. Лет десять назад я была третьей и последней в списке. Лет десять назад всё и закончилось, даже не начавшись.

Живём дальше, верно? От автора: В тексте есть: #Противостояние_характеров_и_Никитос

Содержание

Эпиграфом. Выбирать обувь в расчете на целую жизнь?	4
На один раз и Запахом родом из детства	11
Ну что ты как маленькая? Затвором старого фотоаппарата	22
Ветром и ночной грозой. Соседскими пересудами	34
Фисташковым тортом. Первая Причина	45
Искрами иронии	53
Сказками и глупой ошибкой	61
Четырехстопным ямбом	68
Не страхом единым	75
Его безответственностью	83
Вторая причина	96
Будущим разговором	102
Первым пока не вытащенным осколком	110
По средствам разговора	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Эпиграфом. Выбирать обувь в расчете на целую жизнь?

Приходилось ли Вам сожалеть?

Когда эмоциональный порыв становится настоящей давящей болью, когда нельзя вернуть прошлое: всё давно забыто или даже не начато...

Я испытываю этот приступ, случайно встречаясь взглядом с единственным любимым человеком, что так никогда и не узнал об этом...

И имя моё — Свет.

Откладывала этот разговор на протяжении многих лет. Всё боялась сделать больно, сказав, что чувствую на самом деле.

Боялась быть виноватой, гораздо проще же делать вид, что все хорошо, симулировать счастье. Так легче, и это казалось мне правильным, но...

Я ошиблась.

Поэтому лучше дать ему шанс встретить ту, кто будет его хотя бы любить, пока ещё не слишком поздно.

— Свет, ты сейчас серьёзно?

Выставляю ладонь, прося на миг замолчать, вслушиваясь в стрекочущую трель продолжающихся вибраций на столе.

Нужно ответить, телефон настойчиво прерывает одним

и тем же неизвестным уже третий раз. Вдруг что-то случилось...

— Да.

— Светлана, здравствуйте. — В ответ загорается бархатистый голосочек. — Я секретарь в "Aro-indust".

Ненадолго замирает, давая возможность сообразить, что за компания. Кажется, Нели о ней что-то говорила.

— Слушаю.

— Дело в том, что наш генеральный хотел бы встретиться с Вами по поводу Вашей сестры, это возможно?

Переспрашиваю:

— Со мной? Вы не ошиблись?

Девушка нисколько не теряется.

— Да-да, всё верно, когда Вам будет удобно? У него свободен обед, что Вы на это скажете?

Посматриваю на замершую большую стрелку на почти одиннадцати, и я в принципе все равно свободна...

— Да, хорошо.

Секретарь, так и не назвавшая своё имя, слишком бурно воодушевляется:

— Отлично, я пришлю Вам адрес.

Убираю смартфон, переводя взгляд на мужа. Что мы там... он что-то спрашивал и теперь ждёт ответа.

— Да, Тим, серьёзно.

Немного морщится, склонившись над кофе.

— Почему? Всё так же? Ничего не изменилось?

Кивнула, едва прошептав "Извини". Только извинения ему не нужны, как и моё растекающееся тягучим оловом чувство вины.

Поэтому он нарочито медленно встаёт, убирает кружку в раковину, чего отродясь не делал, и уходит, оставляя меня одну. Разве не этого я хотела?

Тогда почему в груди что-то саднит, словно сама лично вырвала на корню нечто ценное и забыла залить всё зеленой... что это?

Чувство стабильности, безопасности, но не больше.

Мне жаль... и судя по адресу из пришедшего наконец СМС, пора уже собираться.

Встаю, расплетая косу медного оттенка.

Наверное, нужно выбрать что-то стильное, не встречаться же с Нелиным боссом в этом спортивном костюме, верно?

Где-то в шкафу пылилось одно нежно-фиолетовое платье. Думаю, за неимением иных вариантов, будет не так уж и плохо.

Теперь главное — не жалеть хотя бы саму себя и не пытаться что-то остановить.

Сопровивляюсь порыву ветра, поправляя подол, стремящийся повторить фокус Мерлин Монро. Аккуратно ступаю на не высоких шпильках к белоснежной каменной ограде.

Прохожу на территорию ресторанный комплекса с бессмысленным названием, чем-то схожим на "Дежа Вю". Где-

то здесь...

Старый особняк кладкой белого кирпича создаёт тень для небольшой террасы впереди. Судя по всему, мне всё же туда.

Поднимаюсь по деревянным ступеням, сдвигая пепельно-розовую тюль в сторону.

Тут же откликается администратор.

— Добрый день. — Располагающе улыбается. — Вас ждут?

— Да... — Исправляюсь. — Скорее всего, да.

— Не могли бы Вы назвать фамилию?

Ох, если бы я знала... оборачиваюсь, оглядывая полупустой зал. Каждый занят сам собой и до меня нет никому дела. Я точно не ошиблась адресом? Может, что-то напутали? Что могла натворить Нели, что сейчас мне приходится...

Только позади смутно знакомый раскатистый тембр ударяет громом:

— Рашевский.

Быстрее, чем успеваю среагировать.

— Девушка со мной.

Легко касается локтя, от чего хочется провалиться сквозь землю и задавить отдающий в голову пульс.

Неужели...

— Рад тебя видеть. — Подталкивает в сторону первого попавшегося столика.

Сглатываю.

— И я тебя.

— По тебе и не скажешь, до сих пор любишь фиалки? — Почти шепчет, ссылаясь на платье.

Наконец отдаляется, давая шанс медленно обернуться..

Значит, вот, как он изменился? Темнота его глаз стала ещё холоднее... может, она такой и была? Просто воспоминания давно истерли затасканную картинку, лживо сглаживая эти черты.

Отрывается, наконец присаживаясь и скрещивая пальцы перед собой.

— Как жила, Свет? Всё также молода, весела, игрива? — Морщится, сам себе усмехнувшись. — А, это ж не про тебя, да?

Сажусь напротив, благодарю официанта за поданое меню, пока он продолжает:

— Ты же у нас пай-девочка, верно? — Смеётся собственной неудачной шутке. — Ладно, прости, как муж, как дети?

Едва обдала уголками губ... в конце концов, прошло столько лет. И сколько не замирай сердце, всё это - уже целая пропасть.

— Муж на месте, детей нет.

Снова играет костяшками.

— Да что ты!? А часики-то тикают...

— Тебя тоже жизнь не красит.

— Да нет, не жизнь.

Поднимает не окольцованную кисть, жестом указывая на моё впившееся обручальное.

— Сестра твоя только покоя не даёт.

Переплетаю ладони, едва отделившись.

— Что же так?

Я никогда не стремилась лезть в её жизнь, но... надеюсь, что с ним она не..

— Укатила с моим братом за три девять земель, представляешь?

— И? - Улыбнулась. - Тебя не взяли?

Заметно морщится, улыбнувшись в ответ.

— А если влюбятся, женятся, Свет?! — Немного тянет, поглядывая на руки. — Ты в качестве моей родственницы мне совершенно не импонируешь.

Да и в ином другом виде тоже... спасибо, что напомнил, я начала забывать.

— Была рада видеть, Тём. — Встаю, решая закончить

Вдруг подаётся вперёд, касается кисти своим теплом, одним жестом заставляя присесть обратно.

— Свет, я не закончил.

И этот его взгляд...

Он — это дорогушие неудобные туфли из какой-нибудь лакированной кожи на огромном таком каблуке, наподобие стрипов Pleaser. Как раз такими его и завлечешь, танцуя что-то безумно пошло-женственное.

Убираю руку, прерывая мгновение.

На них можно смотреть сквозь витрину, пряча взгляд от осуждающих прохожих, вздыхать и мечтать ночами, но...

Он не моего размера, не мой фасон и в общем-то не "как раз" да и "не к месту".

Истратить на него половину душевной зарплаты сродни самоубийству.

Он не моя обувь. Мои лодочки вполне хороши.

Но как же он улыбается...

— А вот и причина. Свет, я хотел тебя попросить...

Оборачиваюсь, пытаюсь проследить за его взглядом. Тут же натываюсь на конфетную блондинку лет двадцати и следом идущего темненького мальчика с подозрительно знакомой внешностью.

Быстро поворачиваюсь обратно.

— Ты же у нас препод, да? — Встаёт. — Будь другом, выручи на час, ладно?

Наклоняется, пока я пытаюсь осознать.

— Никита, 8 лет, но лучше его не трогай. Закажи ему что-нибудь, карточка на столе.

Шепчу в ответ:

— Рашевский, ты... серьезно?

Улыбается, кивнув:

— Более чем, Светик, более чем.

Подхватывает свою сногшибательную блондинку, треплет мальчишку по точной копии своих волос и... уходит!?

Вот тебе и стрипы... не моего размера.

На один раз и Запахом родом из детства

И имя моё — Свет.

За семь лет брака я никогда не хотела детей. Всё казалось, что сейчас не время, что, может быть, позже... но не "сейчас". Так и протянулись года.

Это было весьма удобно, не нужно уходить в декрет, не нужно менять свою жизнь, можно спокойно выслужиться до завуча, что я и сделала, а Тим... его всё устраивало. Он в принципе искал жену под ключ, не беспокоясь о чем-то большем.

И сегодня утром я разорвала наш "контракт", совершенно не думая, что уже в обед на меня свалится чужой ребенок... с дурным характером, как и у его отца.

Этот шкед упал на стул, где только что сидел Артём, с таким чувством собственного достоинства, что мне и не снилось.

Оценил моё ошарашенное лицо отцовской улыбкой и принялся изучать меню.

Нет, Рашевский... свихнулся.

— Никита Артёмович? — Решаю заговорить.

Кивает, уже подзывая официанта.

— Мне мороженое с шоколадной посыпкой и фруктовый

салат. Ей... — Косится на меня. — Не знаю, сок какой-нибудь.

— А... Апельсиновый.

Опять кивнул.

— Он сказал что на час?

Кивнула.

— Не верь, до вечера — минимум. Далеко живёшь?

Моргнула. Со мной ни-ког-да дети не говорили так фамильярно. Ходили по струночке — да. В рот заглядывали — тоже да... но "эй, далеко живёшь?". Серьезно?

— Не очень.

— Одна? — Уже ковыряется в салате.

— Уже... нет. С черепахой.

— О, круто, болотная?

— Нет, среднеазиатская.

— Тож сойдёт.

И всё... погрузился в поедание фруктов, оставляя меня переваривать информацию.

Что я знаю о Рашевском? Ему тридцать один, как и мне, у него тяжёлый не изменившийся характер, он Нелькин начальник и похоже... отец, что даже в голове не укладывается. Нерадивый и никудышный, судя по тому, что готов оставить собственного... ребенка с человеком, которого не видел десять лет.

Ненормальный.

— Ты готова?

Залпом выпиваю сок, кивнув.

Никита морщится, топая ногой и показывая пальцем на маршрутку.

— Я там не поеду, ясно!?

Устала спрашивать причину, убеждать и вообще что-то делать. Просто упала на скамейку позади него и... и всё. Не поедет, так не поедет. Это уже третья, в конце концов.

— Никит... Папа точно не вернётся быстро?

Оборачивается, вложив во взгляд откуда-то взявшееся презрение.

— Уже надоел? Я могу и уйти, не переживай.

— Ага, размечтался. — Ловлю рукав белой футболки, разворачивая обратно. — Ладно... Он точно не будет ругаться, что мы уехали?

Мальчик меняется в лице, улыбнувшись.

— Не. Ему всё равно, где мы будем.

Отличный... Отец года просто.

— Такси?

Кивнул — могла и раньше догадаться.

Вообще меня можно привлечь за кражу несовершеннолетнего, и потом фиг я докажу, что этот самый убедил меня своим красноречивым отцовским взглядом, что он в общем-то самостоятельный парень.

Секундочку... ему восемь. Когда у нас там самостоятельность включается? До десяти лет в суде мнение не учитыва-

ют? Ну, может, это... пойдём обратно?

Только парень уже спрашивает адрес, не дождавшись, когда сама вызову машину с шашечками.

— Ломоносова, 18.

— Да это ж на отшибе... — Замечает, поправляя джинсы, продолжая оформлять заявку в каком-то приложении.

— Ближе.

Улыбнулся.

— Ну круто. Меня в тот район никогда не пускали.

Цепляюсь надеждой...

— Никит, а у тебя есть мама?

Фыркает, словно сейчас спросила какую-то глупость.

— Есть, конечно.

Лихо оборачивается к дороге, провожая взглядом мчащиеся навстречу.

Нет, всё же где-то в моей голове треснула последняя тростинка, что Артём — несчастный одинокий вдовец...

Понятно, крыть его безалаберность мне больше нечем. Жалеть его не получается, а вот стукнуть линейкой ух как хочется.

— Может, к маме?

Замечаю, как морщит нос.

— Не, лучше с папой.

Прекрасно. Точнее на данный момент — со мной...

Нели на это подняла бы руки кверху и побежала спасать мир. А я? А я вздыхаю, тем самым соглашаясь с ситуацией,

встаю и направляюсь к подъехавшей машине.

Что делать? Что ещё остаётся? Не оставлять же ребенка в ближайшей "Пятерочке" или вон в том отделении "Сбера" через дорогу... Хотя сколько сотрудничай они с Лиза Алерт, но как-то это бесчеловечно.

А вот оставлять ребенка с посторонними — это да, это "нормуль".

Авто притормаживает, вставая в хвост огромной пробки.

— Никит, номер папы знаешь?

Стараюсь не замечать странный взгляд водителя, брошенный в зеркало заднего вида.

Ну в конце концов, не на рабочий же звонить? Кстати...

— Он все равно не возьмёт. — Отмахивается обладатель густой шоколадной гривы, темных глаз и папиной ямочки на левой щеке.

— А может... к нему на работу!?

Морщится.

— Не, я там сегодня уже Люську достал.

Уточняю.

— Люську?

— Папину секретаршу.

Пазл начинает складываться... Значит, вот чему так радовалась приветливая девушка, не пожелавшая представиться?

А эту блондинку он тогда где подцепил... и он приехал вместе с ребенком, но оставил его, надеясь подготовить поч-

ву в моем лице?

Он нормальный!?

А, да, это мы уже уяснили — нет, Рашевский не меняется.

Блин, у нас няни в городе закончились? Центры там всякие и..

— Да ты не переживай! Папа сам через час позвонит, спросит, все ли в порядке.

— И?

— И продлит тебя.

Как ни в чем не бывало...

— Меня? Я вообще-то не нанималась и...

— А ты прикольная. — Достает наушники из кармана, следом включая грохочущую музыку...

Потираю виски, зажимая губы. Только бы не мигрень, вот её мне ещё не хватало.

Резко убирает наушник.

— Тебя как зовут-то?

— Света.

Кивает, снова погружаясь в грохочущие биты...

Вот и познакомились.

Спасибо, Артём, всегда мечтала узнать, как там твои дела...

Ну не так же, демон ты Лермонтова!

Ещё в подъезде поняла, что что-то не так, неспроста этот запах окутал весь тамбур.

И пока Никита восхищался и разглядывал папины любимые макеты кораблей разного масштаба, я вдыхала запах оладушек, скидывая лодочки, и думала, почему...

Она же уехала к подруге? Почему снова здесь, в моем доме, на моей кухне и явно в моем фартуке...

Из кухни раздалось:

— Родная, а где Тимошка, я тут его любимые...

Следом высунулась белокурая голова и замерла, лицезрея улыбающееся божественное провидение. Тот ей даже помахал, на что мама вышла всей красотой своей души, а я лишь прикинула, сколько потом отскребать лопатку, что она так ловко держит в руке.

Не иначе, как минут пять.

— Мам, это Никита — сын моего знакомого. Никит, это Юлия Александровна.

— Здравствуйте, тетя Юль.

А ребенок далеко пойдет, судя по улыбке на мамином лице. Тёть? Отлично сказано.

— Оладушки будешь?

Кивнул.

— Тогда марш руки мыть. — Разбавила их идиллию тоном строгой училки.

Ребенок скрылся в ванной, слегка замешкавшись с выключателями, а я прошла на запах гари, вслед за убегающей мамой. Порция с любимой сковороды полетела напрямик в мусорное ведро, мама принялась разливать тесто вновь, ста-

рательно отводя от меня взгляд.

Что ж, хорошо.

— Мам, что случилось?

— Ничего, с чего ты взяла?

— Мам...

— Что "мам" да "мам"? — Вспылила, выбросив половник с разлетевшимися брызгами по всей хрущевской кухне. — Эта негодница...

"Негодницей" обычно выступает моя сестра, и я начинаю догадываться, что стало причиной маминого срыва и возвращения в мою обитель.

— Ты представляешь, она улетела чёрти куда да ещё и не одна! Я только начала отходить от известия о срыве свадьбы, только наладила всё с Игорешей, а она... Несносная девчонка!

Ещё одна порция полетела в урну.

Встаю, вздохнув, забираю у неё из замершей руки лопатку, перекидываю на себя фартук и примирительно улыбаюсь.

— Даже не думай защищать её на этот раз!

— Ма-а-ам, Нели давно взрослая девочка...

Наша мисс грация садится за стол, радуясь появлению Никиты... что он там делал так долго?

— Да в каком месте она взрослая!?

Перевожу взгляд на скучную тарелку, ладно, сначала оладьи, остальное — потом.

— Мам, ей 27.

— Вспомни себя в твои 27 и сравни!

А что сравнивать? Мою скучную жизнь (точь-в-точь как эта тарелка), серую и беспросветную? С нелюбимым мужчиной и взявшимся отсюда трудоголизмом? Когда задерживаешься на работе только из-за того, что быт терзает похлеще любой проверки, что терпеть его базовые поцелуи даже из приличия и уважения больше не получается...

Или думать, а не фригидна ли случаем... а иначе как объяснить твою абсолютную бесчувственность на все его старания?

Вот это мои 27.

Только мужика зря мучала.

— Свет, хоть ты её вразуми!

Зачем? Переворачиваю оладушки.

— Мам, пусть делает всё, что хочет. Я никогда не лезла в её жизнь, ты знаешь...

— Вот может поэтому она и...

Вздохнула.

— Что? Познает жизнь? Оберегает себя от фатальных ошибок? Не выходит за нелюбимого? Путешествует? Так это же..

— Круто! — Вмешивается Никитка, а я киваю в ответ.

Оборачиваюсь к сковороде... Ладно, нужно накормить этого Рашевского и дожидаться старшего. Позвонит же он, верно?

Только мама вдруг вкрадчиво уточняет, отрезая пакет

сметаны из холодильника.

— Никиточка, а кто твой папа?

Ребенок не сразу находит что ответить.

— Ну он..

— Давний знакомый, мам.

Женщина позади вздыхает и задаёт фатальное:

— А где Тимошка?

Теперь я не сразу нахожу ответ.

— Мам, он уехал к себе.

Под этим подразумевается однушка, которую мы сдавали... и мама похоже не сразу понимает.

— Зачем, квартиранты что-то начудили?

— Нет, мы... -Беру кружку с полки, тянусь за кувшином.
— он их выгнал и переехал сам.

Протягиваю воду ей.

— Что это... значит?

— Мы разводимся.

Мама криво усмехается, пытаюсь осознать, Никитка подозрительно замолкает (до этого всё пел себе под нос).

— А... Как... Он... Он тебе изменил!?

— Нет.

Но лучше бы да, хоть паршиво бы так не было.

— Тогда... Что тогда!?

У неё сейчас явно проигрывается собственное расставание с отцом и... ну да, она не ожидала. Я тоже не думала,

что на самом деле решусь... Только обсуждать с ней что-то совершенно не хочется.

К моему счастью телефон начал вибрировать.

— О, эт, наверное, папа! — Выдает довольный ребенок, а я понимаю, что со "счастьем" всё же поторопилась.

Вздыхаю, откидывая голову на миг.

— Да.

Выключаю плиту, вываливаю свежую порцию им.

— Свету-у-уль... — Как он умеет вкрадчиво и нежненько подлизываться, аж живот свело. — Вы уехали, да?

— Ломоносова, 18. Жду в течение часа, не приедешь — пиняй на себя, подниму все свои "преподские" связи и дойду до опеки...

Его тон сразу меняется аки стервозная сотрудница ГОРОНО.

— И что ты сделаешь?

— Ты оставил его, понимаешь?

Различаю "Чертова моралистка" почти шепотом. Договариваю:

— С совершенно чужим человеком.

— Послушай...

— Ты адрес слышал? Go, время пошло.

Он на удивление не теряется.

— Суку выключи, тебе не идёт. Скоро буду, поговорим.

Вот и поговорим.

Ну что ты как маленькая?

Затвором старого фотоаппарата

Светуля-красотуля.

Мама покидать квартиру после услышанного отказались, Никита облюбовал зал, рассматривая Эльку и спрашивая всё, что придет в голову.

В открытое окно задувал успокоившийся ветерок, слегка колыша тюль, беспокоя денежное дерево, и день в принципе радовал солнышком.

— А они правда такие тихие?

— Нет, бывает по-разному. Иногда за ней не уследишь.

— Прико-о-ольно. — Что похоже является высшей степенью восхищения. — А это мальчик или девочка?

— Девочка. — Села на диван, рядом с задумавшейся мамой.

— А как...

— Маленькие когти, клюв и хвостик.

— Прико-о-ольно. А... — Но замер, вслушиваясь во что-то.

Тут же загалдел телефон. Принимаю вызов.

— Подъезд какой?

— Третий.

— Паучонка оставь с кем-нибудь, одна выйди, поговорим.

"Паучонка"? Вот ещё...

И стоило только отключиться, как я поняла, во что вслушивался Никита... в нарастающий грохот колонок.

Ребенок довольно обернулся.

— Эт папа!

Мама сглотнула, я закатила глаза. Куплет о том, что люди не перестали убивать друг друга в войнах сменился нарастающим припевом, вошедшим в пик прямо у нас под окнами и проехавшим дальше. О, резкий визг тормозов и обратное приближение...

"What's in yo-o-our he-e-e-ad,"

Я тоже хотела бы спросить, что там в его голове, не одноименные названию песни "Zombie" ли часом, но...

"in your he-e-e-ad?"

Умеет он выбирать музыку, конечно. Это же не ирландские "The Cranberries", которых гоняли в универе, а какой-то кавер... при том хороший. Надо будет найти потом.

— Никит, побудь с тетей Юлей немного?

Кивнул, словно всё это для него привычнее некуда и продолжил подпевать ору, рвущемуся в окно.

Не, пора это прекращать.

Читаю СМС, стаптывая кроссовки: "Я жду."

Набираю "Иду", подцепляя ключи от квартиры. Быстро спускаюсь вниз, открываю дверь и закрываю демонстративно уши подходя к бордовому кроссоверу с кольцованным шилдиком на задней части.

Подхожу к пассажирской, заглядываю в открытое окно. Нет, ему нормально, сидит такой... отбивает пальцами ритм по рулю.

— Сделай потише. — Голос растворяется в песне. Повторяю громче. — Тише!

Снова не обращает внимания.

— Тиш... — И тут он нажимает "Stop" на руле и мой ор становится... Ну, ладно, слышен.

Довольно поворачивается.

— Хорошо орёшь.

— Тут вообще-то дети новорожденные есть..

Улыбнулся, обнажив белоснежные... а взгляд— то... Вот в лицо об опеке я бы не рискнула.

— Сядь уже.

— Там — Показываю назад. — твой сын ждёт.

— Све-е-ет, пятно на платье.

Открываю дверцу, сажусь внутрь. Тут же сворачивает на парковку.

— Ну, слушаю, какие претензии?

Поворачиваюсь.

— Ты оставил ребенка!

Передразнивает тон:

— Это возмутительно, и я уже слышал. Дальше?

— И... Ты ничего не скажешь на это?

— А надо?

— Да!

Усмехнулся, оголив ямочку.

— А я думал, ты там уже всё сама за меня решила. — Сощурился. — Смотри, есть термин "ленивая мать", слышала такой?

— Ну...

Отмахнулся.

— Загугли. Так вот, я "ленивый" отец. И поскольку, как ты скорее всего узнала, мама его им не занимается...

Почти съязвила, но сразу пресек.

— И он в принципе на моем обеспечении, а у меня работа, бизнес, филиалы-шмилиалы, поездки, банкеты, да и я ещё, как видишь, не стар, — Это, как понимаю, о блондинке, Окей. — То Никитос представлен сам себе большую часть времени.

И снова перебил.

— Но это не значит, что я не контролирую, не знаю, где он, и пускаю всё на самотёк. Просто у него всегда есть выбор...

Красиво стелет.

— Еще скажи, что он сам выбрал остаться со мной.

Улыбнулся.

— Именно.

— В смысле!?

— Нина ему надоела ещё утром.

Уточняю.

— А Нина у нас..

— Сама сообрази. И когда он в машине это высказал, я

дал ему возможность решить самому.

Нет, он... Серьезно?

— Либо остаётся со мной и идёт после обеда на открытие Нининого салончика, либо выбирает тебя, доверяя моему описанию.

Не... это что ж за описание!?

— А мальчик у меня очень любопытный, как видишь.

Осознаю...

— То есть..

— То есть я скотина, но не в плане своего ребенка. Точнее, ладно, осознанно ленивая скотина.

— В голове не укладывается...

— Слушай, ты же с детьми вроде работаешь, прогрессивных взглядов не встречала?

— И тебе не страшно?

На выдохе:

— Чего бояться? Ты училка, заведение фешенебельное, абы куда Никита не пойдёт и на абы чём тоже не поедет сам по себе.

Загибает пальцы.

— Дотронуться другим до себя не даст по своим причинам, — Ещё один. — моя карточка при нём, как и телефон с интересной программой, способной отследить его Гео за пять секунд в случае чего.

Выдохнул.

— Ещё вопросы?

— Как у тебя все просто...

— Слушай, я не насадка и с гипер-опекой бегать за ним не буду. Пусть лучше чувствует, что сам отвечает за каждый свой поступок, чем прячется за моей спиной.

Нет, точно, красиво стелет.

Его телефон вдруг загорелся, отвела взгляд, пока он снимал его с подставки и быстро что-то печатал. Привлёк...

— Ты завтра что делаешь?

— К чему это?

— Муж будет против, если я паучонка утром закину?

Отвернулась, осмысливая..

— Свет, не тяни резину.

У меня не укладывается в голове всё это... Тёма, которого я помню, другой! Не такой расчётливый, не такой деловой, он не водил такие машины и... да... отцовство и он — это что-то из ряда фантастики, да не, даже скорее фэнтези.

А тут... солидный такой тридцати однолетний Артём собственной персоной... Ладно хоть такой же прибабахнутый. Обернулась, всматриваясь в профиль.

— Что ты вообще хотел в обед? О сестре поговорить?

Уголок губ дрогнул.

— Сначала ответь.

— Ну...

— У тебя планы?

— Утром в школу надо.

— До сколько?

Сжимаю пальцы сама себе, желая отрезать длиннющий уже отвечающий язык.

— До обеда.

— Окей, тогда с трёх до семи? Во сколько муж возвращается с работы?

Вдох..

— Ну, Свет, что как маленькая? Скажи, что ученик.

Перебиваю, будто в этом есть смысл.

— Я работаю с более старшими...

Поднимает руки, словно извиняясь.

— Ну, так что?

— Ладно!

Сама не верю, что произнесла... что согласилась. Ерунда какая-то. Он уже быстренько что-то печатает.

— Был рад видеть, Свет.

— А...

— Давай завтра, ок?

Ну, отлично... Смотрю в боковое зеркало, как из подъезда выходит Никита, довольно улыбаясь и подпрыгивая, перевожу взгляд на его отца, тот замечает и просто пожимает плечами.

— До завтра, Светик. Освобождай уже место.

Что мне ещё остаётся, верно? Освободить место.

Не мои туфли, не мой разме-е-ер.

— Па-а-ап, ты видел фотку черепахи?

Отлично, у меня дома ещё и снимали.

— Видел, садись быстрее, жрать хочу.

А у нас, между прочим, оладушки...

Лан-Лан-Светлан.

Мне хватало пять секунд, чтобы понять, понравилась песня или нет.

Я была жутким меломаном, хотя почему "была"? Ничего не изменилось, только при муже всегда убавляю громкость или нажимаю на "Stop", стесняясь своих вкусов.

Если хватит силенок, то будет прошедшее "всегда убавляла".

И сейчас, словно подросток, оставшийся один... О да, я включаю смартфон погромче и начинаю просто кривляться.

Специально выбираю Papa Roach с "The ending".

За все эти годы позволяла себе такое всего пару раз, и то в первый — Тим вернулся домой пораньше, выключил гаджет и посмотрел так, словно я очень странный нашкодивший ребенок.

Предосудительно, мать его!

Я даже так на курильщиков в школе не смотрю.

В его машине была его музыка, в моей — моя. Когда мы пересекались, в своей — я включала нейтральное радио, в его — пританцовывала от его вкуса.

Мне все равно какой это стиль или манера исполнения, если она пробирает — это моё.

Потом мы переехали в бабушкину квартиру возле моей

работы, и "Зачем тебе тачка?" подтолкнуло к отказу от единственного места, где я чувствовала, что ни от кого не завишу.

Выдыхаю...

Но тогда, в 18-ь, я ловила от посторонних фразочки "По тебе не скажешь, что ты слушаешь такое."

"Таким" мог быть пигсквилящий мужик под сотню кг с лютой татуировкой, инфантильный мальчик с челочкой, позже кричащий "Верните мне мой 2007" (ха, это был 8-9 год) или даже корейский бойз-бенд с их "Mirotic", не случайно попавший в топ-лист.

Я уже тогда поражала знанием инхейла, пигвойса, песен Кино, Ленона, Бейонсе, французской оперы или Тани Булановой. У-ж-а-с... Тихая мирная девочка, да.

Собственно, даже Тёма о моих вкусах не знал. Ну, я не красила волосы, не прокалывала губу, не пыталась кричать о своей уникальности. Всё это прошло в мои 15, и он их, к счастью, не застал.

Улыбнулась, вспоминая, как в школьной столовой к себе подозвал директор и шепнул "Тебе не идёт", намекая на обалденный пепельно-розовый и треугольник железок в губе. Уши за тридцатник так и не проколола...

А мне, чтоб его, шло! И к 18-и волосы успели отрасти, а пирсинг зажить. Было плевать, но сейчас не об этом...

Мне хватает пять секунд, чтобы понять моё или нет. Редко я прокручиваю до середины.

С ним тоже...

Мне хватило первого взгляда. Он ошибся аудиторией, привлекая к себе всеобщее внимание. И это было ни на что не похоже!

О, помню-помню. В наушники тогда "Para Roach" как раз проникали с "To be loved", и их "WHOOOA!" была именно в момент моего ядерного взрыва, вышвырнувшего к черту наивные мечты.

"WHOA! I'll never give in

[Эй, я никогда не уступлю!]

And I just wanna be, wanna be loved"

[Я хочу быть, хочу быть любимым!]

Словно мой zoom сместился со всего мира на него, а сердце уже щелкнуло затвор, время замерло, растягиваясь медленно-медленно засевшей в голове песней.

Все слова были бессмысленны.

А он смотрел точно так же. Только не на меня. Рядом, на Whoa-подругу.

Как он шикарно ухаживал, мать божия! Завидно до сих пор.

Потом это стало привычным... он по уши в мою лучшую, а она просила меня накидать ей музыки потяжелее, чтобы...

Ну, им было о чем говорить между поцелуями.

И радуйся, Светик, что они вместе не один год. Слушай, какой он. И улыбаться не забывай.

Помню, как каждое утро надевала что покрасивее, училась ходить на каблуках и попадала под дождь сердечного

ритма, когда его авто проезжало рядом. В одно и то же время, в одном и том же месте на протяжении всех этих лет.

Словно судьба, хоть как её назови.

Доходила до универа, отмахивалась от "Ой, мы тебя не заметили", целовала подругу в щёчку. Все три года, дура... Не важно, дождь, снег или заваленный экзамен.

И почему я была такой добродушной!?

Взяла бы его за тиски и сказала прямо в эти глаза ту самую строчку из "To be loved"! Или что-то типа: Эй, я хочу тебя во всех смыслах, как никого и никогда больше.

Тебя. Да. Вот эти твои клеточки, этот взгляд, длинные пальцы, ямочку и изгиб губ.

И даже сегодня, спустя десять лет, у меня точно также щёлкнул затвор, словно напомним, что фотоаппарат лишь запылится, но ещё работает. А толку!?

Песня заканчивается на звонке в дверь.

Так поздно и совершенно не к месту может прийти только Тим.

Прохожу мимо зеркала, на миг усмехнувшись отражению: — Ну, что? Слабо выдержать и не юркнуть в эти семь лет вновь?

И мне и с ним хватило первого взгляда и первых строк в "Beast" у шикарной Мии Мартины, чтобы понять, что:

"Nowhere to run, run, run, come here right now"

Бежать некуда. Эта стеночка, что стоит сейчас за дверью с его любимым тортом в руке, тогда — семь лет назад — зака-

зал у вселенной "нормальную, тихую девчонку", и получил меня...

Желающую наконец переключить свою "To be loved" и смущающуюся от своего первого поцелуя спустя три дня в его машине на его коленях под его недоумение: "Ты никогда так не делала, серьезно?"...

Ставлящую в своей голове на эти семь лет белый шум в виде одной единственной мысли: "Что ты с ним делаешь!? Whoa! Зачем!? Ты его никогда не полюбишь, себе не лги. Выйди немедленно".

Только не выходила. Всё на что-то надеялась.

Ну, что там... Торт за дверью?

Ветром и ночной грозой. Соседскими пересудами

Ланочка-Светланочка.

Когда я случилась в его жизни, Тим уже был состоявшимся мужчиной, твердо стоящим на ногах. И он брал своё именно этим. Это его козырь, до сих пор подкупающий всех, кто его окружает. А я... а я — девчонка, не умеющая ничего.

У него за плечами неудачная любовь, от которой и появился запрос на "нормальную, тихую", у меня — и так все ясно.

Он из тех, кто не говорит "люблю" — не то из отсутствия любви, не то из уверенности, что это и так понятно.

Наверное, от этого в первые года я и соревновалась с незримым силуэтом его бывшей девушки, пытаясь по наивности заслужить, если не три слова, которые в общем-то не нужны, то хоть похвалу.

Только потом я поняла, что клянись он мне — было бы ещё тяжелее.

Хотя вру! "Незримым" тот силуэт стал только после её исчезновения из его жизни. Сколько раз она стучала своим каблуком в дверь, когда мы уже были женаты — даже не перечесть. Сколько раз это вызывало уколы собственничества, ибо Тим же был по праву "моим".

Тимофей тогда еще старался быть ласковым, пытался заставить, что у него ничего не болит внутри, убедить, что я его полностью устраиваю. Ну да, врал сам себе...

Его рассказы били по самолюбию, а оброненное "её я по-настоящему любил" заставляло быть... такой, как ему надо.

— Зато какая у тебя тёща. — В шутку цежу, на что он соглашается, отпивая чай и пытаясь достучаться до моего мозга, мол "Так нельзя, Света!"

Нет, серьезно... за семь лет я слышала "люблю тебя" лишь раз, и да, в постели вовремя момента, когда ему было особенно кайфово. Какая я мерзкая, Боже!

Во мне тогда это ничего не кольнуло, не встрепехнуло, я не ответила даже из приличия... лишь усилила презрение к себе.

Я же сама откровенно предлагала ему быт, рутинную заботу, секс и себя в придачу, он платил штампом в паспорте, стабильностью, своей самоуверенностью и вылазками на море или в горы.

С ним не может быть скучно... это мужчина не из той лиги. Он не сноб, не заядлый эгоист, даже не нарцисс. Но почему я не могу любить его?

Разве это дурацкое чувство, заставляющее переживать ночами, так важно? Без него легче... Только чувствуешь себя подстилкой, но что уж тут - издержки профессии. Сама знала, в чью постель падала.

И сейчас он верно говорит, что я всегда была какой-то

замороженной, не пытающейся открыться.

— Слушай, может, это просто трудный период? Давай проживем раздельно, соскучимся друг по другу. Говорят, все пары через это проходят.

Поправка, проходят, если любят друг друга. Если нет — только тянут с неизбежным.

Отпиваю чай, изучая его торт. Терпеть не могу этот вкус — фисташковый. А он ему, правда, нравится. Почему я думала, что смогу приучить себя к этому? Привыкнуть и полюбить...

Ему 34. Он по праву гордится должностью зав.кафедрой, которую занимает уже 5 лет. Что для городского вуза — небывалое достижение, ибо завами там обычно бывают дедушки под шестьдесят, а то и старше.

Муж старается держать себя в форме, пропадает в спортзале до ночи, не торопясь домой, и раз в год сгребаает свою непутевую жену куда-нибудь. Зачем я ему? За ним же вьётся толпа от первокурсниц до ему равных. Это бессмысленно.

— Я не хочу, правда.

Он клонит голову на бок, вцепляясь в меня взглядом, и выдает ожидаемое тоном взрослого и умного.

— Свет, а я не хочу этого. Ты меня полностью устраиваешь, зачем нам разводиться?

Как мало ему надо... Или наоборот? Я удобна. Не закатываю скандалов, так как не жду ничего и, следовательно, не могу разочароваться, не пытаюсь его контролировать. Меня

самой словно и нет, зато есть ужин, уют, собеседник и неплохое тридцатилетнее тело. А, да, ещё есть тёща, что души в нем не чаёт.

Господи, как же хочется утонуть, чтобы эти слои невысказанной боли наконец начали отходить.

Я прячусь за собственными руками, натягивая панцирь. Не могу... Не могу... Не могу.

— Я переночую здесь.

— Только... прошу тебя, на диване.

Поднимаю взгляд, сдерживающий слезы, встречаясь с его непониманием. Он, кажется, обескуражен этим. Кивает, закидывая торт в холодильник и снова убирает кружку в раковину.

Зачем!? Это ему несвойственно. Зачем пытаться заставить меня передумать? Я не могла решиться все эти годы... зачем делать ещё больше?

Зачем...

Он уже спит за стенкой, а я до сих пор не могу даже закрыть глаза. На что я надеюсь?

Я же не питаю надежды на счастье, просто хочу прекратить этот маленький ад. Я не думаю кого-то встретить, кому я нужна такая? Меньше всего на свете мне хочется вновь оказаться в чьих-то руках.

Я хочу остаться одна. И не делать вид, что люблю то, от чего хочется сдохнуть.

Дотрагиваюсь до смартфона, нахожу профиль сестры.

Я: "Где ты хоть?"

Нели: "В Ирландии, тут нереально!"

Улыбаюсь её непосредственности...

Я: "Поддержи меня, Нель, ладно?"

Нели: "Что случилось?"

Чувствую, как беспокоится по ту сторону экрана...

В окно врывается ледяной ветер начинающейся грозы.

Тюль колыхнется, разлетаясь...

Я: "Мы разводимся."

Стирает и снова пишет. Наконец отправляет хоть что-то.

Нели: "Ты шутишь!?"

Я: "Нет"

Нели: "Почему!? Только не вы, ну!"

Только не мы... Боже, когда там уже утро?

Только на этой неделе взяла БС на три дня. С понедельника снова закрывать нагрузку, копаться в отчётах, программах на будущий год, контролировать учителей, что точно также летом закрывают план, отрабатывая смены.

А ещё не закончившееся ЕГЭ, а лагерь, а проверки, а ремонт (но это хоть не моя часть), а выпускной... Кстати, о нём. До него уже полторы недели...

Я не могу представить свою жизнь без этого. Не могу не приходить сюда даже в свой выходной.

Трудоголик, закрывающий брешь в душе работой.

На самом деле хотелось остаться допоздна.

И даже охранник удивился, ответив на моё прощание уже в час, когда я покидала здание школы, стараясь не налететь ни на кого из бегающих повсюду младшекласников, спешащих на обед в столовую после похода в кинотеатр в рамках пришкольного лагеря, 5 дней которого я буду обязана провести через неделю.

А в понедельник ещё ЕГЭ по иностранному на базе нашей школы... Кажется, на этой работе не может быть скучно.

Пять минут плутания во дворах, побег в магазинчик возле дома, от куда появился огромный пакет, и я уже болтаю со старушками, присаживаясь к ним на скамейку.

— Светочка, ты не поверишь, — Начинает одна самую свежую новость. — родненькая, вчера к нам какой-то залётный приезжал, так у меня чуть окна не выпали, а давление-то, а давление как подскочило!

Становится немного стыдно — этого "залетного" я всё же знаю. Что же... надеюсь, он будет потише.

— Ой, — начинает вторая, сжимая мне кисть, — у меня как раз полочка из-за этого шума отвалилась. Ты не могла бы Тимофея попросить?

— Да, конечно.

Не знаю, кого они обожают больше, меня или Тима. Хотя о чем я? Естественно, его.

И что я буду делать, когда мой муж останется в прошлом? Сама пойду соседкам полочки забивать? Не иначе.

Только это не причина... Не причина позволить ему

остаться.

Открываю дверь, еле ставлю пакет на порог. Куда я столько закупила? Кому?

Я так привыкла ко второй персоне, к своим "обязанностям", что сейчас до сих пор не осознаю происходящего.

Две недели назад съехали квартиранты.

Две недели назад я не дала ему пустить новых.

Две недели назад он впервые ночевал там после первого разговора.

А сейчас...

Сейчас он стоит в одних трусах в дверном проёме в зал и улыбается мне так, как улыбался давным-давно. Кажется, даже дар речи пропал...

— Что ты...

— Я взял выходной!

Нет, ну пожалуйста...

— Свет, давай рванём куда-нибудь? Сходим в кино или...

Делает шаг вперёд, а я делаю шаг назад.

— Тим, нет.

— Да не поверю я, что ты правда хочешь развода!

Ухожу на кухню, оставляя пакет на его совести.

— Там Элеоноре Васильевне надо полку прибить. И... — замираю, встречаясь с ним взглядом, — ко мне мальчика через час привезут...

Смеётся, откусывая огурец.

— Какого ещё мальчика, кто?

— Не важно..

Приподнимает бровь.

— И это для тебя важнее меня?

— Верно.

— Свет, эй. — Резко встаёт с табуретки, вжимая меня в дальний угол кухоньки. — Ты же поэтому пришла раньше, ты же видела меня утром, ну?

Пытается поцеловать, проникнуть кистью под блузку, уже дотрагиваясь до оголившейся линии живота.

— Уйди.

Замирает, не поверив.

— Что?

— Я не хочу, слышишь?

Он же не глуп.

— Что ты творишь, Свет? Чем я тебя не устраиваю!? Что с тобой?

— Прошу тебя...

Отстраняется будто пощечиной.

— Ты с ума сошла?

— Пожалуйста...

Шепчет "Черт с тобой", разворачивается и уходит, громко хлопнув дверью, от чего со стены слетают часы, тут же разбиваясь звонким гулом.

Он... он уйдет.

Я этого и хотела.

Мы не повышали голос, но я уже истощена...

Пытаюсь отстраниться от столешницы позади. Отцепить скованные пальцы. Наконец вдохнуть, падая за стол, закрывая лицо руками.

Я же правильно поступаю, верно?

Заставляю себя встать после щелчка входной двери. Ушёл, звякнув связкой ключей, что оставил на полке.

Было бы проще, уйди он насовсем.

Было бы проще...

Подцепляю пакет, уношу на кухню.

Что у нас там? Рожки, крупа, капуста, фарш.

Приготовим макароны по-флотски...

Спешу в комнату, скидывая рабочий костюм. Где там мои шорты и майка? Как жарко сегодня... Так, надо накормить Эльку, а то она уже устала стучать по стеклу, контролируя мой каждый шаг.

— Я помню про тебя, честно!

Уверяю черепаху, будто она что-то понимает.

Где-то в холодильнике ещё оставался её контейнер с морковью и салатом.

Джош Смит из Ashes Remain прокрался своим вокалом в мой плейлист ещё в далёком 2011 с нежнейшей "Without you", под которую я сейчас протираю пыль и подпеваю строчку за строчкой.

"Hold me now I need to feel you"

Эта песня появилась именно в тот момент, когда Артём исчез. Ну, точнее... забрал документы. А я была... никем.

"Show me how To make it new again"

[Объясни мне, как

Начать все заново]

Наверное, поэтому этот трек так выворачивает душу каждый раз... что я не сразу слышу звонок в дверь.

Замечаю время на дисплее и мчу открывать, тут же сталкиваясь с довольным Никитой, его холодным прищуром и... как её зовут? Нина.

Девушка машет мне ручкой, не решаясь зайти внутрь. Неловко... Но сколько ей лет? Красивая такая, вся с этими розовыми прядями по блонду.

— Привет. — Улыбаюсь, разрешая его сыну пройти.

Артем кивает, проверяя часы, потом зачем-то останавливается на моих ногах, от чего хочется провалиться тут же, и выдает:

— Слушай, планы изменились. Нина побудет здесь, ладно?

Не успеваю переспросить, как девушка уже переступает порог и скидывает балетки со своих прекрасных ножек.

— Рашевский, чего ты... — выдаю я, но уже слишком поздно.

Он отчалил.

Не... То есть в этот раз он не просто оставил ребенка, а ещё и сбагрил свою... девушку!? У меня тут вроде не бюро забытых людей.

Разворачиваюсь к ним, отмечая, что Нина мнетя с ноги

на ногу, разглядывая не самые отрадные обои, а Никита сбежал... на кухню.

— Нинка, тут ро-о-ожки! — Орет ребенок.

Нина же меняется в лице и почти несётся на кухню, но притормаживает у двери, обернувшись.

— Ой, а можно? — Спрашивает взглядом щеночка.

И я понимаю...

— Можно.

Их там ещё и не кормили, да?

Фисташковым тортом.

Первая Причина

Светочка-конфеточка.

А я ещё корила себя, что так много приготовила...

И если голодный ребенок, уплетающий всё подряд с фразой:

— Я там овощи видел, нарежь салат, пожалуйста.

Меня не так уж и сильно удивил, то поддакивающая его сыну Нина до сих пор не даёт прийти в себя.

И стою я, значит, режу помидорки, вспоминая, а не старая ли сметана или лучше заправить салат маслом...

— Оливковым? — Уточняет девушка.

— Подсолнечным. — Опускаю с небес на землю.

Та отмахивается, ещё раз смотрит на пустеющую добавку, косится на довольного Никиту, и кивает в знак одобрения.

Интересная девушка, ничего не скажешь...

Интересно, я в двадцать так же расслабленно сидела на табуретке? Откинув одну ногу и сгорбившись...

И она такая тонюсенькая, куда там уходит вторая тарелка? Эй, я тоже так хочу. Аж завидно!

— Он... вас... не кормил?

— Тёмчик? — Облизнула ложку, указав на меня ею. — Не, у него сегодня очень важная встреча, он с утра дожидаться

не мог...

Понятно, предупредить — сложно. Сбагрить — легко.
— Слушай, а ты почему тут?

Ни сколько не смущается.

— Да он там со стариком каким-то сорокалетним встречается, я по фэшену вообще не прохожу, а делать мне всё равно нечего.

Сползла на стул рядом.

— А салон?

— А что там делать каждый день? — Осматривает кухню.

— А тут прикольно, олдскульно. Ой, там часы были, да?

Указала на стену.

— След остался такой... — Оценила взглядом заядлого критика. — прикольный. Можно сфоткать?

Понятно, они с Никитой говорят на одном "прикольном" диалекте. Ладно, мне не жалко локации для инстаграмчика.

Вздыхаю, наблюдая за тем, как быстро пустеет салат.

— Нин, а тебе сколько?

— Двадцать один.

Да ёшкин, Артём! Она университет-то хоть закончила? О чем он думает вообще...

— А он для тебя... не староват?

Девушка перестает жевать, замирая с ложкой в руке и отдавая презрительным прищуром.

— Ты из этих что ли!?

Отрицаю, боясь предположить из каких. Выдыхает.

— Да не, с ним...

Медлит, пока мысленно молюсь, чтобы там за этим многозначительным молчанием было хотя бы не "прикольно".

— Он удивительный, знаешь...

Её голубые глаза вдруг загораются огоньком воспоминаний, а лицо озаряет искренняя невинная улыбка... Она явно влюблена так сильно, что от единственного вопроса начинает смущаться.

Он удивительный? Да, я верю... Только уши бы ему оторвать!

Никита встаёт, довольно напевая себе под нос, убирает тарелку в раковину, кидает Нине:

— Посуда на тебе.

И скрывается за дверью... та кивает, продолжая улыбаться.

Я смотрю на эту девочку и не могу поверить... Интересно, как я выгляжу рядом с ней?

Наверное, в лучшем случае напоминаю очень старшую сестру, ну, или молодую мамашу.

Забавно, Артём даже спустя столько времени поражает своим вкусом.

— Он такой противоречивый! — И с её губ это звучит комплиментом, а с моих было бы обвинением.

Вздыхаю, убирая за ней посуду. Та тут же, и правда, встаёт и собирается все перемыть. А смысл отказывать гостье, верно?

Её телефон вдруг пищит от тысячи СМС-ок, и я даже отсюда понимаю причину её новой улыбки, пока разжигаю комфорку под чайником.

Это не мои туфли... Этой девочке они больше подходят.

— Ой, а есть чай зелёный?

— Да, там ещё торт с фисташками в холодильнике.

— Прико-о-ольно... — Тянет Нина, вытирая свой перформанс-маникюр.

И я почему-то уверена, что Артём в неё тоже влюблен. Хотя... Не моё дело, верно?

Только, Рашевский, почему даже спустя десять лет я должна сидеть и слушать твоих девушек? Где справедливость, эй?

Достаю тортик, окрикнув его сына. Разливаю им чай, слушаю сотню новых вопросов о черепахах.

Нина все не вылезает из телефона, а я не вижу смысла от туда её выдергивать.

— А что ты делаешь завтра вечером? — Вдруг спрашивает девушка, поднимая ко мне свои наращенные реснички.

— Ну...

Мальчик тут же подхватывает:

— Точно-точно, у нас же вечеринка! Приезжай к нам домой, ладно!?

Отстраняюсь, собираясь отказаться.

— Да и Тёмчик сам написал... — Показывает айфон. — Он вроде хочет с тобой о чем-то поговорить.

Или оставить меня с кем-то ещё? За ним станется.

Оба заискивающе улыбаются... А я зачем-то соглашаюсь, слыша, как дверной звонок тянет свою мелодию, три раза прервавшись.

— Ой, а кто там?

— Муж. — Завершаю посиделки, вставая со стула и оценивая масштаб съеденного торта... ну, ему пару кусочков ребятам оставили.

Никита вдруг выдает:

— Тот, который ушел, да?

Нина смеётся, парируя его сыну.

— Но обещал вернуться?

И лучше бы всё-таки нет.

Первая Причина.

И имя моё — Тьма.

Люблю эти закаты здесь... Так быстро становится все очевидным, когда смотришь на уходящее солнце, словно проекцию прожитого дня.

Самое милое, что я сделал в жизни — выстроил этот дом.

Никитка давно не питает надежд, что является моим смыслом... он мой главный партнёр, которому я могу доверять, но никак не причина существования.

Одна случайная ночь с девушкой, успевшей опротиветь, — и, вот, я уже молодой папаша с ребенком на руках и без планов на будущее.

Этот вид — мой гештальт.

Не сразу понял, что Нина оказалась рядом. Сколько не учи её великому, всё это становится лишь постом в соц.сети. Как и затвор камеры с пустым постом уходящего солнца.

— Нин, сколько мы вместе?

Странно, но у пай-девочки волосы точь в точь как сегод-
няшний закат. Я уж и забыл.

— Год...

Улыбнулся.

— Тебе не надоело?

Люблю Нину, люблю её эмоции, что делают это личико
чуть-чуть живым.

— Что это значит? Ты... ты устал?

— Думаю, да.

— Но... завтра же вечеринка.

Встаю, отодвигая кресло.

— Не переживай, милая...

Вздыхаю, целую её в лоб. На выдохе улыбаюсь... начиная
любимую часть.

— *"На самом деле..."*

Люблю её взгляд.

— *Мне нравилась только ты.*

Мой идеал и моё мерило.

Она зажигается, пытаясь дотянуться до губ. Останавли-
ваю пальцем, тихо прошептав "Ещё не всё".

— *Во всех моих женищинах были твои черты..*

И это с ними меня мерило.

Взгляд дрогнул подобно затухающему огонечку.

— *Одна курноса...*

Дотронулся до неё.

— *Другая с родинкой на щеке.*

Провел линию по губам.

— *Третья умеет всё принимать как данность.*

В её глазах появляются слёзы, а мне искренне жаль так всё прекращать, но..

— *Одна не чаёт души во мне, другая — в себе.*

*Вместе больше не попадалось."**

Жар пощёчины доносится быстрее скорости звука. Плюет мне "Да пошел ты" и уходит, оставляя меня одного.

Я этого и хотел. Верно.

Падаю в кресло вновь, откидывая голову назад... Даже не дослушала.

А Быков всё-таки верно сказал: на пути встречаются более сильные, умные, красивые, более достойные женщины, но первую любовь сложно вытравить из памяти.

Эта девочка стала одной из красивых, достойных, любимых..

Но вчера я вдруг понял, что устал от неё.

Вот так... Просто, как дважды два.

А ещё переговоры извели мне душу, поэтому я просто встану, войду в дом и уйду к себе, даже не проверив, как там сын.

Он спит в это время. Всегда.

А Нина... Когда-нибудь её заберёт её отец, и я буду ему благодарен.

*Д.В. Быков — "На самом деле мне нравилась только ты."
(Прим. Пунктуация на совести автора. Всё буду писать по памяти, что не всегда совпадает с оригиналом.)

Искрами иронии

Между светом и тьмой.

До сих пор смеюсь, вспоминая оклик Тима, когда он увидел Нину, доедающую его торт.

— Васнецо-о-ова!

Взвился в дверном проёме, не давая шанса девочке ускользнуть из кухни.

— У тебя диплом на носу, а ты тут чай пьёшь с моим тортом!? Да я тебе вчера отправил тысячу правок, где вообще исправления!?

Нина пыталась оправдаться, не скрывая паники в глазах. Никита откровенно смеялся, фотографируя студентку, а я не могла поверить, что так тесен мир. Серьезно? Тимофей Котов — её преподаватель?

Потом все же цыкнула на мужа, за что Нина оказалась очень признательна.

Починил он, понимаете ли, полку у бабушки.

И пришел хвастаться достижением, а тут торт его прохудился до двух кусочков.

И под конец вечера, я даже не удивилась, когда оба гостя нашли меня в соц.сетях, а Нина ещё и обняла напоследок.

Она интересная... И хотя бы искренняя, от неё едва ли стоит ждать какой-то подковырки. Чиста, как профиль в Инстаграме...

Вот сейчас подумала об этом, и поняла, что не всё там так просто... либо неудачная аллегория, либо — не так проста эта девочка с розовыми прядями.

Субботнее утро в принципе не задалось. Сначала сломался кран в ванной, от чего воду пришлось отключить, потом тосты подгорели, и на работе компьютер все не хотел сохранять файл.

И все это исключительно потому, что я волновалась... Только стоило ли?

Ровно в 6-ь вызвала такси до "Малиновой дуги" — нового коттеджного поселка, продиктовав адрес из сообщения от Васнецовой Н., и уже через полчаса оплачивала пятисотой купюрой моё согласие посетить это место.

Что здесь интересного? Я в школе не насмотрелась на бегущих повсюду тинейджеров? По крайней мере, фасад деревянного двухэтажного дома мне представился именно таким.

Как их тут много... Какие они все деловые... и как странно смотрят на мою персону. Что это за вечеринка такая?

— Как я рада, что ты приехала!

Рядом вдруг оказывается Нина с двумя култышками на голове, в синем топе и ультра коротких джинсовых шортах, ну, и стаканом чего-то странного в руке.

— Привет! — Улыбаюсь, тут же оказываюсь в её объятиях.

— Блин, если б не ты вчера! Всё, ты мне как сестра, really!

Она смеётся, колышась на ветру, утаскивая меня внутрь. Как же здесь... шумно... и многолюдно. Повсюду.

Подростки на диване, подростки на столе, на лестнице, в туалете, у дверей, у стены... да кто-то даже посматривает на огромную шарообразную лампу!

А эти биты... Кто слушает такую музыку? Он?

Ну, да, всем им... большинству точно больше восемнадцати... По крайней мере, я надеюсь на это.

Нина ведёт меня дальше, на второй этаж, и я боюсь спросить, а можно ли вообще. Вдруг открывает дверь и выводит на веранду, тут же кинувшись к перилам, поглядывая вниз и оборачиваясь...

Здесь на удивление спокойно. И в принципе красиво — вид на весь город впереди мерцает переливами.

— А где Никита?

Отмахивается.

— Он в комнате рубится в джойстик с Лео. Это... ну, друг в общем.

Киваю, вставая с ней рядом.

Она почему-то отводит взгляд, потягивая алкоголь, улыбнувшись дрогнувшей улыбкой.

— Всё в порядке?

Поворачивает голову, растекая губы.

— Да, все хорошо.

— А где..

— Тёмочка? — Киваю. — А ходит где-то, весь день бесил

— по телефону трещал. Дела у него, прикинь?

Не нахожу ответ, поэтому просто изучаю её пустеющий стакан. Она вдруг встаёт в позу поудачнее, выпрямив плечи, втянув живот и приподняв одно бедро, быстро достает смартфон из заднего кармана шорт, и просит сделать селфи.

— Знаешь, я не люблю...

— Фу, какая ты скучная!

Смеется, фотографируясь сама. На минуту зависает над экраном, рассматривая получившуюся картинку, накладывает фильтры, показывает финал и под моё нерадивое одобрение загружает в ленту, а потом выдает:

— Смотри, это вчерашний вид здесь. Круто, правда?

А я почему-то киваю, всматриваясь в её последний пост, вчитываясь в текст...

— Быков?

— Кто? Из интернов что ли..

Смеюсь, ох, уж это поколение Z.

— Ну, стихи...

— Ааа... Ну, не знаю, это Тёмчик вчера рассказал.

Её взгляд на мгновение перегорает, но тут же возрождается пролистыванием других фото.

— Свет, будем подругами, ладно? Мне кажется, ты прикольная.

— Хорошо, почему бы и нет.

Она кидается мне на шею, взвизгнув, а я вдыхаю её духи и почему-то думаю, что дружба с его девушкой — это же мы

уже проходили, ну...

Только ветер касается плеч.

— О, вы здесь?

Нина рвется к нему, только в последний момент вдруг замерев и просто взяв за руку. Он кивает на моё приветствие, снова оценивая мою одежду...

Ну, я не наряжалась. Да и тут все в простом. Что тогда так рассматривать? Просто рубашка и обрезанные джинсы.

— Как добралась?

— Спасибо, все хорошо.

Кивает, закончив формальность... Всё, можно ему и уходить, дань выполнена.

Только почему-то вместо этого отправляет недовольную Нину в дом развлекать гостей, сам падая в одиноко стоящее кресло.

Я не решаюсь двинуться с места, не решаюсь напомнить о себе, когда он так сосредоточен.

Только... молчать не вижу смысла.

— Ты до сих пор клеишь девочек чужими стихами?

Поднимает голову, пытаюсь уловить суть.

— Ты о чём?

— Быков в её Инстаграмме.

Недолго хмурится, изучая моё лицо... а потом натягивает фальшивую улыбку. Ясно, не туда пошла.

— Как тебе тут? Нет ощущения, что мы с тобой — родительский надзор за оравой сопляков?

— Подумала об этом в первую минуту.

— Да уж...

Прищурился от луча солнца за мной.

— Тогда почему ты это устроил? Только не говори, что тебе тоже "Прикольно".

Усмехнулся.

— Что-то типа того. Как живёшь, Свет? Все хорошо?

Кивнула, не найдя больше ответа.

— Кстати, ты так и не ответил..

— На что?

— Почему захотел встретиться.

Улыбнулся.

— А не стоило?

Сердце, тише-тише, я не так поняла... это не флирт, это ирония. Он блефует.

— И всё же? Правда так не хочешь породниться?

— Ну, ага.

И это больше похоже на отмашку.

— Ну, это от нас не зависит.

— А жаль.

Склонил голову на бок, пока я пытаюсь контролировать мысли, уносящиеся в сторону его растрепанных волос.

— Ты Никите понравилась, он только о тебе и говорит.

— Точнее о черепахе?

— Ага. — Снова зачем-то задержался на ногах. — Пока не перегорит, повозишься с ним? Могу предложить почасо-

вую..

Из горла вышел комок самоиронии. Кольнуло. Только он уж точно не в курсе моей жизни.

— Спасибо, не стоит.

— Смотри сама.

— Только у меня работа...

— Разберемся. — Вдруг ухмыльнулся. — Слушай, а почему у меня ребенок вдруг спрашивает про развод?

Подавилась воздухом, отводя взгляд.

— Не знаю, может... услышал где-нибудь.

— Ну, ок.

С его лица всё не уходит усмешка, отражаясь прищуром и натянутыми уголками губ. Жуть, как завораживает...

В дверь вдруг влетела Нина с новым бокалом коктейля, Артём обернулся, вставая и совершенно спокойно произнес, стирая с лица улыбку девушки, да и мою тоже.

— Она считает тебя соплячкой, что ты в ней нашла?

И ушёл, обогнув ошарашенную Нину, что не сводит с моего испуганного взгляда.

Твою ж, Артём.

Нина подаётся вперёд всё с тем же выражением, я было пытаюсь открыть рот, но она вдруг выставляет ладонь и начинает смеяться.

— Не обращай внимания, Тёмчик всегда такой. Ты ему насолила чем-то?

Ага, видимо, своим существованием. Не дожидаясь отве-

та, рвётся ко мне..

— Что хотела... Ты будешь что-нибудь? Я вообще тебе неслла — Приподняла бокал. — Но как-то бесит всё, знаешь...

Знаю... Поскорее бы домой.

— Там тебя Никитос спрашивал. Я сказала, чтоб вышел из своей пещеры и сам нашел. Так что скоро начнётся...

— Что?

Пожимает плечами и роняет невинным тоном, от которого почему-то сводит каждую клетку.

— Представление.

Сказками и глупой ошибкой

Между светом и тьмой.

— Что это значит?

Нина пожимает плечами и шепчет почти на ухо:

— Как подружке скажу... Маленькая месть.

Её пряди касаются лица, а я не успеваю переспросить, как по венам проходит страх от жуткого... детского... крика.

Молниеносно отстраняюсь, замечая как она невинно пожимает плечами, вздохнув.

Вбегаю в дом под продолжающийся до сих пор плач схожий на истерику, рвусь к лестнице, отталкивая скопившихся зевак и замираю на ступени от увиденного.

Мне нужно сделать шаг, но то, что я вижу хрустит похлеще любых осколков.

Маленький мальчик посреди комнаты закрывает уши ладонями, едва согнувшись в бессилии, и продолжает кричать.

Только сейчас я понимаю, что всё это одно протяжное "Не трогай. Не трогай. Не трогай".

Рядом стоит какой-то малолетний ублюдок и ухмыляется, раз от разу дотрагиваясь до плеча...

Отмираю, пропуская удар, слетаю с лестницы, но влетаю в слишком знакомую спину.

Толпа отступает при его появлении, виновато впечатываясь в стены.

Он заносит кулак, молниеносно сбивая спесь с паренька, что уже хотел скрыться.

Берет под колени вырывающегося истерящего ребенка, запрокидывая того на плечо, от чего тот вцепляется в его спину новой волной крика...

Оборачивается, встречаясь со мной разъярённым взглядом и произносит под всхлипы Никиты, смотря прямоком на меня, заставляя всех содрогнуться.

— Чтобы через минуту здесь никого не было.

И уходит куда-то вглубь под тихие перешептывания с характерным "Какого хрена ты вообще к нему полез?"

Только... Я оборачиваюсь, встречая невинный обеспокоенный взгляд Нины, замершей на лестнице.

Она что-то шепчет мне... что-то похожее на "Какая досада!" и спускается вниз, убегая в их направлении.

"Маленькая месть."

Маленькая дрянь.

Иду на плач, замечая, как стремительно редееет толпа, раз от разу задевающая меня рукой или плечом, унося отсюда всё спиртное, съестное, и, надеюсь, ничего ценного.

Замираю возле двери, касаясь ручки, как оттуда вылетает Нина, чуть не врезавшись в меня.

— Тебе тоже лучше домой, это надолго. — Закрывает за собой дверь. — Или хочешь, можем киношку глянуть?

Ошарашенно впиваюсь в неё глазами, на что она пожимает плечами и говорит.

— Он не простой мальчик, все уже к этому привыкли.

— Но зачем ты...

Невинно хлопает глазками.

— Я? Ты чего, Свет!? Как ты могла такое подумать!? Мы же подруги, надеюсь... — Акцент. — ты никому ничего не скажешь?

Не могу поверить..

— Вот, круть, ну, если что я с кинохой на втором, приходи. А тут — показывает на дверь. — делать нечего: наорется и заснёт.

— Зачем ты так?

— Бэйб, я не при чем! — Поднимает руки. — Но, кстати, если что я очень ревнива и обижена на него, сорян.

Уходит, довольно потянувшись.

Поздравляю, Артём, ты выбрал ещё одну расчетливую... Нет, Алинка по сравнению с Ниной — цветочки... Вот тебе и профиль в Инстаграме.

Или как это ещё объяснить? Ребячество? Глупость?

Черт с ней...

Дотрагиваюсь до ручки, выдыхая.

Рвусь, делая шаг к нему... маленький, оглушающе рвущийся, но замерший на одном месте. Он продолжает выкрикивать одно и то же в этой полутьме закрытых плотных штор позади него.

Не решаюсь двинуться, обернувшись на свою собственную дрожь.

Артем сидит в кресле, навалившись локтями в колени, раз от разу выдыхая в сжатые вместе ладони, словно не замечая ничего вокруг, смотря на своего сына.

— Что...

Оба вздрагивают от моего голоса. Никита на миг сжимает кулаки, но так же кричит.

— Уйди. — Тихо шепчет его отец, вцепляясь в собственные волосы.

Перехожу на шёпот.

— Как помочь?

— Уйди.

Только я так не могу... Но что я знаю? Ничего, совсем ничего!

Его похоже даже не обнять, не утешить. Каак ему... Как его... успокоить?

Но слушать плач, истерику ребенка до его бессилия — это жутко... Неужели больше никак? Может... Может, как с Нели?

— Жила на свете... — Надо унять дрожь и говорить спокойнее. — Жила на свете одна маленькая черепашка.

Он снова сжал пальцы. Артём резко вскочил, но тут же замер, не понимая, что делать.

— Она была очень смелой малышкой, и хотела перейти за линию горизонта, куда никому-никому было не под силу...

Голос иногда тонет в истерике, но он всё чаще всхлипывает.

— И вот год от года она наращивала свой панцирь, точно зная, что сможет исполнить свою мечту, когда все остальные черепахи в неё не верили, предпочитая греться на солнышке.

Чувствую, как Никита начинает вслушиваться, давась слезами.

— Они говорили, что ни у кого не получалось уйти так далеко, а значит, не выйдет и у неё, но пришел день... когда черепашка решилась сделать первый шаг...

Вдруг начал оседать, упав на пол, мы оба рванули к нему, но Артём резко отдернул, не дав прикоснуться, прошептал.

— Дальше...

Пытаюсь продолжить.

— Она попрощалась с другими черепахами, и шаг этот показался ей очень тяжёлым, но именно он был важен.

Мальчик ложится на пол, поджимая ноги к туловищу, полностью прячась от мира... И только истошные всхлипы заставляют очнуться.

— Да-а-альше, Свет.

— Второй шаг дался проще, третий был легче предыдущего, а четвертый так вовсе показался пушинкой, но уже на половине пути, когда шаги на песке заволокло ветром, домик был еле виден, а до горизонта ещё так далеко, черепашка вдруг забоялась.

Артём сжал предплечье, что до сих пор не отпускал, остерегая, что я ошибусь.

— Только вольный ветер вдруг прошептал ей: "Продол-

жай, смелая черепашка." Та крикнула ему "Но я боюсь", ветер лишь ухмыльнулся и прошелестел напоследок: "Я тоже, но рвусь вперёд, не смотря ни на что". Она поверила, вдохнув его силу идти дальше... Шаг за шагом..

Никита продолжал всхлипывать, но дыхание вдруг стало размеренным... Неужели заснул?

— Пока не дошла... Маленькими шажками... На встречу своему счастью.

Его отец силой потянул за дверь, закрывая ту за нами. Я только заметила, что заливаюсь слезами, дрожа как осиновый лист.

— Что ты творишь!?

Опешила.

— Что?

— Ты, мать его, психолог? Чо у тебя есть!? Диплом педа, и!?

Больше всего на свете мне хочется сейчас врезать ему, но... Но он вдруг выдыхает, сползая по стене на пол, и я понимаю, что всё это время он... Он бился о невидимое стекло, не в силах помочь самому важному.

Вот, откуда эти осколки...

— Нам... надо поговорить.

— Не хочу.

Вспыхиваю.

— Ты собирался это скрывать!? Ты отправлял его одного в город, твою мать, Артём!? Ты долбанутый!?

Выдыхаю, чтобы не заорать под дверью.

— Я говорил, он бы не дал никому к себе прикоснуться, Света!

Поднимает лицо, меняя тон.

— Его свобода — его терапия... была.

— Но...

Закрывает лицо руками, выдыхая, вставая с пола.

— Без но. Я не знаю, почему, не спрашивай... Уезжай, ладно?

Вот ещё. Размечтался.

— Рашевский, ты придурок, ясно!? И собираешь все это отребье только потому что слабак.

— А ты у нас умная пай-девочка, верно?

— Да, блин!

— Бесишь.

Что я ещё ждала...

Четырехстопным ямбом

*Но ты же непростая
И в чём-то сумасшедшая.
Но я с тобой летаю,
По новой узнаю себя."
(М.Барских — "По секрету")
Лан-Лан-Светлан.*

Шикает, уходя к сыну, оставляя меня за дверью одним словом:

— Жди.

Только я не нанималась ждать его у двери, этот период мы уже давно прошли, хотя он и не знает об этом... Ну, да, не о том сейчас.

Судя по тишине, он удачно переложил сына в кроватку.

Поэтому закрываю глаза, глубже вдохнув, наконец решившись, и спешу к лестнице.

Второй этаж, значит!?

Сейчас я этой девочке с розовыми прядями устрою такой ликбез с завучем, которого этой дурынде так не хватало.

Влетаю по лестнице, на миг замираю наверху, думая, куда теперь идти. На помощь приходит слабый, еле слышный шум.

Она, серьезно, киношку смотрит!?

Закрываю за собой дверь, мимоходом всматриваясь в её

убранство.

Розовая! Абсолютно розовая комната с розовыми подушками, плакатами каких-то сопливых современных мальчиков, мишек и всего эдакого, только розового пони не хватает...

А не, есть. Пижама на ней — как раз именно пони... судя по рогу, розовый единорог.

Фыркаю, встречаюсь с ней взглядом.

Бойтся или просто нервничает?

Лежит с ноутбуком в руках, скрестив ноги. Подхожу ближе, отказываясь от предложения лечь рядом.

— Сама начнёшь?

А хотя почему отказываюсь? Что мне стоять-то? Огибаю кровать, ложась рядом.

Повторяю, всматриваясь в потолок с розовым отливом.

— Сама начнёшь, или сразу к Артёму пойдем?

Да, я знаю-знаю, ничто так не развязывает язык, как страх быть отчитанной любимым человеком.

— Блин, пожалуйста!

Встречаю её взгляд.

— Я слушаю. Ты такая дрянь, или есть смягчающие обстоятельства?

Прикусывает губу.

— Реветь не думай. Не поможет.

— Блин, да я не хотела.

Вскакивает, убирая ноутбук. Жмурится, вцепляясь в во-

лосы.

— Я жду, Нина.

Падает на розовый пуфик возле двери, поджав к себе ноги, обхватив колени руками, пытаюсь спрятаться в воображаемый домик, и от этой позы я начинаю понимать, складывая воедино эту комнату и её саму... Но сначала дослушаю.

— Да бли-и-ин... — Тянет. — Ну... Эта пати — она..

— Что?

— Ну, она для Никитоса, понимаешь!?

Поджала губы. Очень "подходящий" контингент для 8-летнего ребенка.

— Блин, короче, мы с ним поспорили, что нынче на моей тусе он не струхнет...

Слушаю.

— И, ну, как бы... Я договорилась с Гошаном, он просто должен был..

У меня один мат сейчас на уме... на Артёма.

— На что спорили?

Кивнула в сторону стола.

— На мой ноут и его наушники.

Вздыхаю.

— Дальше.

— А вчера... ну, Тёмыч меня отшил вечером. И я ходила сегодня весь день не в себе, как убитая, а ему хоть бы хны, понимаешь?

Киваю.

— Я... блин... честно. — Тут вскакивает, подходя к окну. Всхлипнула. — Блин, мне так паршиво было.

О, эти любовные страдания в пятнадцать, поправочка — двадцать... один.

— И... ну... я не хотела... Я не знаю, правда.

Вслушиваясь во всхлипы.

— Я... Он мне как младший брат, понимаешь? Я не знаю, что на меня нашло... Он струсил тогда... Ну, когда тебя позвать хотел. Увидел ребят и забоялся, а я сказала ему выходить... и что он девчонка, если не выйдет. Он, короче, пошел... а я увидела и убежала к вам, а Гошан решил, что всё в силе. А потом всё вот так.

Не договаривает немного. "Гошан" явно знал, что делает, и первый крик мальчика его не остановил. На лицо сговор.

— Ты же всё понимала?

— Я не знаю, почему ничего не сделала... Я хотела... мне почему-то было приятно сначала... я хотела...

Её словами:

— Отомстить?

— Да.

— Идиотка.

Разревелась, глотая слова.

— Понимаешь, Темычу...

— Хотела сделать больно?

Кивнула.

— За счёт его сына?

Кивнула, всхлипнув.

— Дура?

— Полнейшая. Куда у тебя родители в детстве смотрели, Нина!?

— Ну, им похер всегда было... мне Артём сначала был как отец.

Меня аж передёрнуло. Не хочу больше в это лезть.

О, Рашевский! Да я спокойно жила без тебя и твоих дур все эти десять лет, оказывается.

Нина вдруг плетется ко мне, ложась рядом, боясь посмотреть в лицо. Поджимает ноги к груди...

Вот оно — то, что поняла раньше.

Она ещё подросток. Спать со взрослыми дядями по паспорту уже можно, а вот мозгов ещё нет.

Точнее — отцовского стержня не чувствуется, что оберегал бы от таких вещей. В том числе — от Артёма, мать его.

— Нин.

Всхлипнула.

Касаюсь шелковых волос, поглаживая тихонько.

— Поверь, если он всерьёз хочет уйти — он уйдёт. И ты его никак не удержишь, милая. Ни стонами по ночам, ни угрозами — ничем, Нин. И вред ты сможешь причинить только себе.

Вот сейчас слезы искренне, даже самой сердце рвёт.

— Ну, почему... Так..

— Больно? Да, я знаю, Нинуль.

— Только не говори ему, прошу.

— Сами разбирайтесь. Совесть проснется — скажешь.

Продолжает всхлипывать едва слышно.

— Спасибо, ну, за всё... ты крутая, правда.

— Никиту больше не обижай.

Пропускаю мимо ушей слезливые заверения, поднимаясь с постели. Она хочет задержать, но не решается.

— Только... мы же все ещё подруги, да?

Киваю, закрывая дверь.

Уже начинает темнеть, время, кажется, около десяти. Не знаю, как отсюда выбираться... Таксисты поедут в эту малиновую ерунду?

Вздрагиваю от его голоса за спиной.

— Я пойму, если ты не захочешь с ним больше встречаться.

Оборачиваюсь.

— Придурок.

Единственный человек, кого я так отборно материла раньше — я сама. Ну, потому что жизнь самолично предала.

А сейчас... Сейчас мне хочется обложить его четырехстопным ямбом и обдать хореем да амфибрахией, чтоб его!

— Свет...

В его взгляде сквозит усталость. Многолетняя, невысказанная. Вот — тот налёт, отличающий его от не моего студента, что ногой распахивал дверь.

Не машина, не мышцы... А именно боль. Вот эта. Вот эта

едва заметная складочка у бровей, что хочется погладить, развевя всё.

— Поговорим?

— Уверена?

— Нет, просто делать нечего больше, Тём. Дай, думаю, мужику взрослому мозги вынесу.

Улыбнулся искренне, тягуче отозвавшись в груди. Как это называется? Страйк. Зачем улыбается? Теперь мне больно. Но я же сильная Светочка, правда?

— Проходи тогда... — Повел куда-то вглубь дома. — Виски пьёшь?

— Наивный, ты думаешь, у тебя в доме ещё хоть что-то осталось?

Ухмыльнулся, обернувшись.

— А так — нет, спасибо.

Ну, признаюсь самой себе:

Негодую я так, как не злилась на мужа за все года (да и ни на кого больше), только потому, что моя вера в Артёма шла априори в комплекте с влюбленностью.

*"To be loved"*никуда, к сожалению, не делась.

И это очень глупо.

Не страхом единым

Между светом и тьмой.

Входит в кабинет (судя по обширной библиотеке за столом). Кивает на маленький диванчик возле двери, сам проходя к огромному окну.

Хочется после пережитого наконец-то заснуть, свернувшись в клубочек, поэтому не вижу смысла тянуть и строить метафоры.

— Что с Никитой?

Только он моё рвение быть откровенной похоже не разделяет.

— Свет включить?

Присаживаюсь на диван, перекидывая ногу на ногу. Он почему-то замирает, прокашлявшись.

— Что?

— Ничего.

Замечаю, как почти угасший закат играет блеклыми красками на паркете, столике с какой-то гравировкой, поднимаясь по моим ногам... Стоп, да ну нет.

Резко посмотрела на него...

Да ну нет! Как-то сразу захотелось натянуть рубашку до пят.

— Тебя подвезти?

Мать моя... Я чуть не подскочила тут же, это что за тембр

с переливом!? Жуть, Рашевский... Да нее... Нее... Быть того не может! Он во мне девушку никогда не видел.

Показалось.

— Свет?

О, отстраненно. Это, видимо, уже воображение барахлит.

— Что с его мамой?

Пожал плечами.

— Жива-здорова.

— Но?

— Лишена родительских...

— За что?

Морщится, отводя взгляд.

— Я так захотел.

— Не ври, у тебя вроде нет таких связей...

Обрывает.

— Слушай... Тебе какое дело, Светик!? Училку включила?

— Выключить — мне не идёт?

Слегка оскалился. Раздражаю его, да.

— Был один случай, подходящий под лишение.

Замираю, только он не торопится говорить. Правильно — я ему никто, зачем мне открываться?

— В пять я сдался и отдал на два месяца Никиту ей.

— Она просила?

— Периодами.

Замер, падая в воспоминания, вцепляясь в рисунок на

паркете, напрягая мышцы до моей боли.

Тихо шепчу.

— Что это значит?

— Когда он ей был "нужен", просила. Не хочешь знать, как с ней познакомились?

Отрицательно мотаю головой, открещиваясь. Мне с головой хватило 2 "подруг", спасибо. Только он понимает иначе, конечно же.

— Брезгуешь? Ты же правильная, верно? Один муж — одна любовь?

Киваю, чтоб не повадно было... Самой себе... Мечтать.

Снова замолкает на миг.

— В общем, Никита мотался со мной повсюду, был таким очаровательным пухляшом, смышлёным, забавным. А потом я...

С трудом достает это всё. И мне хочется кинуться, накрыть шею руками, всматриваясь в глубину глаз и обещая понять. Только нельзя...

Перекидываю ноги, а он считает это нетерпением...

— Не суть. В общем, он оказался у неё, а я решил на время уйти в отцовский отпуск.

Загулять — поправочка. Тихо шепчет, почти лично:

— Не смотри так.

Мой ответ дрогнет дождем обречённости.

— Тебе не все равно, как я смотрю?

Пожимает плечами.

— Дальше, Тём?

Закрывает глаза под последние лучи солнца, превращаясь в тьму. Моё воображение затаивает дыхание, запуская в волосы пальцы.

— Кто же знал, что мой мальчик не выдержит метод кнута и пряника?

Руки дрогнули. Я начинаю понимать, холодея.

— Ты...

Он отдал ребенка неподготовленному человеку, использующего маленькое существо в своих целях, а когда...

— Не слушался...

Воспитание было лишь доступными методами — агрессией. Это же так просто... По самому слабому звену — ребенку — проходиться розгами моральной и, похоже, физической боли.

В голове мелькает 25 кадр, и от этого становится до жути тошно.

Когда понял, увидел...

— Было уже поздно, да. Это с нами с 5 лет.

Я пытаюсь успокоить пульс, глушащий всё.

— Что... Ты три... три года позволяешь ему жить с этим!?! Ты... Ненормальный!?

Закатывает глаза, слушая дальше.

— Артём, ты не пробовал к детскому психологу, психотерапевту, ну? Пройти курс?

— Дохрена умная? Красный диплом?

— Не скалься, дурак.

Цедит, вставая.

— Были и есть. И будь добра, перестань судить, не зная ничего. Твой эпистолярный взгляд бесил ещё тогда.

— Подожди...

— Не хочу. Всё, Свет, хватит. Тебя отвезти?

Соглашаюсь быстрее, чем включаю мозги.

Он удаляется на миг к Нине, видимо прося её приглядеть за Никитой. Та спускается вниз, виновато смущаясь, падает на диван, заваленный шуршащими пакетами от чипсов, да и не только от них. И машет ручкой на прощание, заверяя, что все будет в порядке.

Артём пропускает вперёд, уходя во тьму за моей спиной.

Выгоняет свою Ауди из гаража, притормаживая возле меня, а зуб на зуб уже не попадает.

Ещё и этот мелкий дождь вдруг заморосил. Ужасный день!

Стоит только сесть в салон, пристегнувшись, как рядом раздаётся недовольное:

— Свет, какая ты нежная.

Пытаюсь не фыркнуть, грея пальцы друг об друга, погружаясь в его темноту.

В такси не заметила — здесь не так много домов, часть из них только в процессе строительства.

И это неосвященное толком место, лишь разбиваемое фарами его авто, ночью "немного" пугает, взвинчивая нервы.

И оскомину не красит даже город позади.

Он даже музыку не включает, заставляя вслушиваться в каждый шорох.

Минут через десять почувствовала прелесть асфальта под шинами.

Он тут же надавил на газ, вдруг впервые прервав молчание.

— Что я должен был сделать? Обклеить его комнату подушками и запереть там, Свет? Или ходить повсюду, оберегая от каждого шага?

— Я не знаю, Тём. Прости, я, правда, очень устала.

Он ожидал обвинений, но сил что-то доказывать больше нет.

Просто откидываюсь на спинку, отворачивая голову от него, замечая лишь свет фонарей, что встречаются всё чаще.

Только он почему-то всё чаще задерживается на мне, делая вид, что смотрит по зеркалам.

Прости, Тём, но я чувствую каждый твой брошенный взгляд собственной кожей, загорающейся чем-то более жгучим, чем все виданные мной поцелуи.

Только не стоит просить вселенную о таких глупостях. А то исполнит ещё "желание"...

Но сил даже это осмыслить уже не хватает.

Выхожу, прощаясь с ароматом его машины, чувствуя фантомное лёгкое опьянение, резонируя каплями с неба.

Замечаю собственный подъезд и просто плыву ему на-

встречу, как вдруг...

Дверца позади хлопает, и пока я оборачиваюсь, он огибаёт машину и бегом сбивает меня с ног, вжимая в дверь за спиной.

Не успеваю вскрикнуть, быстрой ухмылкой гасит удивление и протест, под слабым отсветом фонаря заводя мои дрожащие руки в стороны, уводя те следом вверх, переплетая пальцы.

Его часы на левой своим стальным холодом сковывают хлеще наручников.

Тянется к губам, уничтожая весь здравый смысл.

Не даю ему коснуться, резко отворачиваясь, вдыхая, пропитываясь, задыхаясь и от того теряя рассудок, пытаюсь оттолкнуть, но все больше теряясь...

— Ты боишься? — Давит торсом, широко расставив ноги, порывами вдыхая, задевая щетиной и тут же целуя ямочку под ухом, что бесполезно отводить. — Слабенькая...

Всё внутри давно схвачено и вытянуто струной, пронизывающей от талии до кончиков пальцев, особенно напрягаясь в самом низу живота под его давящей тяжестью. Это дико постыдно и давно забыто.

— Смотри-ка, это не страх? И тогда... тоже был не он, да? А я-то думал всё это время...

Шумно вдыхает. Резко отстраняется, дико хохотнув.

Еле сползаю вниз, даже не пытаюсь справиться с тем, что сейчас тлеет во мне.

Это безумие не поддается ничему, особенно контролю...

— Ладно, Светик. Потом как-нибудь поговорим об этом.

Я позвоню. — Смакует губы. — Сла-а-адкая такая, блин, круто.

И я проигрываю, потому как впервые показываю кому-то средний палец вместо тысячи пропавших слов.

Придурок... Ненормальный.

Стрипы... заскучали.

Сколько же от него... проблем.

"Ты бываешь разной,

Стихия вечного огня."

(М. Барских — "По секрету")

Его безответственностью

Светлана, ну, ё-моё.

Не знаю лучшего способа привести нервы в порядок кроме того, чтобы начать драить пол. Серьезно.

Я не педант, не помешана на чистоте, в моём доме скорее лёгкий хаос, чем порядок, но когда становится совсем паршиво (Это слово после Нины кажется каким-то... Не таким), я беру ведро, швабру и начинаю процесс, стирая всё к чертовой матери.

Как-то, после жуткой проверки на работе, под швабру попал Тим... У него до сих пор шрам на ноге от острого уголка.

Да почему... Вот, почему!? Почему этому дурацкому сознанию не надобно мужа, ну!?

Он же нормальный мужик. Симпатичный. Умный. Ну!?

И я понимаю, что у меня бы могли играть гормоны и просто хотелось бы чего-то "новенького", но... Но я вообще не реагировала, Боже, все эти 7 лет.

Всё, не могу! Где там швабра?

Как он сказал? Эпистолярный взгляд!? Смотрела я на него как-то не так раньше? На лице было написано всё? Ну, печально. Я всегда думала, что умею сдерживать эмоции.

Единственное, чего хочу по жизни, это остаться одной! Точнее — не в плане отсутствия кого-то рядом, а именно в отношении морального спокойствия... Всё же не зря я Весы,

мне важно хоть иногда быть в уравновешенном состоянии, когда душа не колеблется из стороны в сторону.

Всё! Где там моя плоская лучшая подружка!?

Иду в ванную, скидываю джинсы, сбрасываю рубашку в стирку, тут же набираю ведро из огромного заранее приготовленного корыта, что досталось ещё от бабушки. Подхватываю швабру, в коридоре забрав смартфон и оставляя домашние шлепки, шлепая дальше босиком.

Так, начнем с зала. Элька всё равно не проснется от света, а мне вот точно полегчает.

И уже первая песня, включенная случайным воспроизведением в моём же атасном плейлисте, заставляет смеяться, поражаясь отличному чувству юмора Вселенной (Больночему, конечно, но отличному), подчиняя голос и тело вилять в пируэтах со шваброй, покоряясь этим аккордам.

— Я нена-ви-и-ижу... За то, что рядом нет тебя. Нена-ви-ижу-у. Иди ко мне-е!

Интересно, сколько раз Миша Марвин пел эту строчку? Она же прямо-таки попадает в самое сердце любого или любой с безответной.

Чем-то напоминает Дорна, под которого танцевала на чужой свадьбе в 15-ом, но тут композиция более нежная.

В общем, надеюсь, бабушке на первом не слышны мои песнопения, да и танцы не осыпят штукатурку, а то и её придётся обновлять.

А ещё после "Иди ко мне" так хочется добавить "Хой",

что я включаю эту песенку на повтор.

О да, Свете пошёл четвертый десяток, Света хорошая тихая девочка.

Девочка в нижнем белье, танцующая по сырому полу, пу-тающаяся микрофон со шваброй.

— Иди ко мне-е-е...

И я уже вхожу в раж, оценив могущество современных поэтов: "Я сдался без боя, отравлен тобою..." и "Своими губами ты хочешь добить, и я не сопротивляюсь."

— Е-е-е...

Только швабра вдруг дрогнула от сильного каменного окрика в балконное окно.

— Све-ет.

Мне кажется, не поскользнулся я сейчас, у меня обязательно бы что-нибудь рухнуло. Например, сердце, ну, или стекло. Что угодно.

Больше всего сейчас боюсь, что крик повторится. Приходится вставать, отмечая, что на копчике обязательно останется синяк, выключать Марвина, что вдруг заставил белеть.

Корчась и проклиная, подхватываю старую рубашку мужа, которую мечтала пустить на тряпки, накидываю, утонув в ней.

Кряхчу, выбираясь на балкон... встаю на цыпочки и... нет, я правда верила где-то очень глубоко, что мне показалось.

Уже чувствую, как завтра будут переглядываться старушки, называя меня за глаза падшей женщиной.

От него одни проблемы, Вселенная! Забери обратно, мне хватило пробника! Хватит!

Улыбается, скот.

— Ты не проверила, уехал ли я. Ну,пустишь? Договорим?

Это всё равно, что дать мне на выбор флакончик с ядом в лице завтрашних вопросов соседей (мол, "что за мужик в полночь, Свет?"), и пистолета с 5-ью заряженными и 1 холостым, выражаясь текстом из "Сердцеедки" Крида.

И откуда в моей голове всё это? Снова кошусь на него.

Что делать-то теперь!?

Между светом и тьмой.

Пока ищу джинсы, думаю, как поступить дальше.

Хочется, чтобы просто ушёл и не собирал посторонние взгляды, что потом мне обязательно обернутся боком.

Пустить его в квартиру — не разумно. Не пустить — не разумнее вдвойне. Выйти самой — болезненно и просто опасно.

Не знаю, чего от него ждать, и именно это настораживает. Его действия подчиняются только одному — собственной прихоти. Либо я не вижу какой-то план, смысл, сюжет, сценарий, да что угодно.

Творит исключительно то, что хочет. Хочет — клеветает, хочет — скидывает на меня обязанности, хочет — рушит мою жизнь, домогается без причины, недоговаривает, выворачивает все наизнанку.

Лучшее, что я могу сделать, — избавиться и замуровать его существование ещё лет на десять, а лучше и навсегда.

Мои чувства — глупость, не больше. И, наверное, Тим прав — я сошла с ума.

Но Артём понимает, что все его действия приводят к таким последствиям, что стоит раз десять подумать прежде, чем хоть что-то сделать?

И именно это выкидывает из квартиры и торопит открыть домофонную дверь, как бы я не злилась при этом. Тоже мне мать Тереза.

Подношу палец к губам, а он вдруг кивает и вырывает телефон из сжатой кисти.

Только тянусь, чтобы отобрать, сам выставляет палец, прося быть тише.

Отлично!

Первое, что он выдает, закрыв за собой мою несчастную дверь:

— Всё думал, какую музыку ты слушаешь, не пойму, что тебе подходит.

Предложение за гранью личного, и Артем уже копается в плейлисте, прочитывая названия.

Такое чувство, что кто-то залез в душу без предупреждения.

Вдруг ухмыляется, включая "I kissed a girl" у Кэти Перри, начиная подтанцовывать.

Решаю не унижаться, просто уйти на кухню, погасив свет

в зале со следами преступлений.

Почти сразу появляется в дверях, и от одного присутствия пять квадратных метров вдруг стали меньше спичечного коробка, хоть и до того не могли похвастаться размерами.

Кэти Перри продолжает петь "I liked it".

И вместо нее под его взглядом смущаюсь я.

— Что?

— Не думал, что ты такая..

— Какая?

— Интересная.

Фыркнула всё же, на что поспешил добавить:

— Серьезно. Если ты все это и правда воспроизводила хоть раз...

Прячусь, специально открывая дверцу холодильника, хоть там и смотреть-то не на что.

— Послушай, ты хотел что-то?

— Да.

Выглянула.

— Где муж?

— Не твое дело. И ты вообще слышал о существовании домофона или телефона, что держишь в руках?

Ухмыльнулся, Кэти поет про понравившийся вишневый вкус чужой помады.

— Ты бы не открыла. А так у тебя не осталось выбора.

Решила хоть чайник поставить.

— Я вообще спать собиралась.

— Я заметил, заодно и пол дома тоже оценили.

Пытаюсь не смутиться.

— Ой, ладно. Дальше? Ты вроде сам не хотел больше говорить...

— Мне стало любопытно.

— Что?

— Что за девушка после поцелуя снимает напряжение таким способом...

— Не было никакого поцелуя.

Улыбнулся коварно.

— У меня был.

— Поздравляю.

— Продолжишь в том же духе, будет и у тебя.

Показала колечко.

— Я вообще замужем...

— Что-то я тут мужа не заметил. Он всегда тебя отпускает не пойми куда, не звонит и не ночует дома?

Треснула ладонью по столу, и Пери такая "Надеюсь, мой парень не против".

— Всё. Закрыли тему, Артём. Тебя там дома ждут.

Выбивает пальцами ритм по дверному косяку.

— Нина заснула, Никита без изменений. Так что я свободен до утра. Тебе тут — Обвел взглядом пространство. — не тесно?

— Хрущовок не видал?

Не стал отвечать, прошел только наконец и сел на стул. В

голове не укладывается... Там звёзды как-то не так сошлись, что он на меня посмотрел? Или что, Меркурий в той самой фазе?

— Что за сказка была?

На миг потерялась.

— А... В детстве когда Нели начинала реветь, испугавшись чего-нибудь, папа успокаивал её подобными сказками. Ну, она и сейчас трусиха...

И тут взгляды встречаются...

Выхватываю телефон обратно, набирая сообщение сестре, что сейчас хоть в сети.

Это если он такой, то брат-то его чем лучше? И если честно, за мелкую становится страшновато...

Я: "Нель, все хорошо? Он не приставал? Он нормальный?"

Сестра отвечает почти сразу.

Нели: "Ты чего? Он ненормальный, но приставала я."

Перечитываю... Следом еще и смеётся с "Все хорошо!".

Не сразу замечаю, что Артём всё это время со мной говорит, а я ещё и отвечаю, не осознавая. И замираю на собственном ответе.

— Да, хорошо, я свободна...

Стоп.

— На что я согласилась?

Стрельнул своей холодной улыбкой.

— Понять не могу, как ты могла так измениться.

Ответила тем же прищуром.

— Я не менялась, просто ты меня не замечал.

Приподнял бровь.

— Да, возможно.

Не думала, что собственно мною же озвученная правда может так уколоть. И хоть она всегда относительна, но сейчас это ничего не меняет.

— Ты сама не спешила со мной сближаться, нет?

Это просто провокация, не больше. Поэтому, Света выключает чайник, наливает чай в две кружки и ставит одну напротив него, да? Да.

— Ты всегда действуешь импульсивно?

— Смотря о чем ты...

Мне хочется выкинуть ему "Как ты, блин, мог!?", и в этом бы вмещалось всё: и сын, и связь с незрелой Ниной, и целая жизнь. Только с чего бы я? И он поражает первым:

— Общаешься с Алиной? — Буднично, отпивая первый глоток.

Ну, может, вот она — причина его появления? Заскучал по бывшей, решил через "подругу"?

— Почти нет. — Стараюсь не вложить и нотку ревности.

— Да и как-то некогда, у неё дети...

— Ага, Мирон и Ева.

— Вы общаетесь?

Кивнул. Ничего тогда не понимаю.

— Так что насчёт мужа?

— Что ты пристал?

Улыбнулся, делая глоток.

— Его футболка?

Игнорирую...

— Слушай, чего ты добиваешься, Тём?

— Просто скучно.

Скучно ему, блин... Продолжает.

— Если Нинель боится, ты тоже?

— Нет..

Улыбнулся.

— Совсем ничего не боялась?

Не замечая подоплёки, киваю. Как-то странно в ответ глаза блеснули.

— Знаешь, я думал твою сестру уволить.

Рука дрогнула.

— Зачем?

— Не люблю нарушение субординации на работе, да и как сотрудник она на троечку, хоть Артур и завышал ей баллы в своих отчётах.

— Брат? Они... давно... вместе?

— Нет, она о нём даже не знала, он внештатный.

— Может, не...

— Не увольнять?

Кивнула, отодвигая кружку от края. Он говорит совершенно спокойно, словно его это и не волнует. Как он может так просто решать... Рушить... Стоп, хватит об этом.

— Я подумую. Что взамен?

— Ничего.

— То есть я должен дальше закрывать глаза на неё, исключительно из-за того, что мой брат с ней спит?

— Спит!?

Он рассмеялся... Низко и зловеще.

— Да ты наивная? Ну, будет спать, какая разница?

— Отвали.

Кивнул, едва заметно приблизившись ко мне.

— Что взамен, Свет?

Пытаюсь рассмеяться, только выходит жутко неправдоподобно. Да и голос срывается почти сразу. Встаю, уходя к окну под его взглядом.

— Хорошо, придумаем позже.

И это так раздражает...

— Как ты мог её совратить? Она же ребенок, Артём? Почему ничерта не делаешь... Почему...

Осеклась.

— Ты о Нине?

Кто меня просил?

— Если о ней... Не стесняйся. Я не "совращал", просто позволил ей делать всё, что она хочет.

И это хуже... до мурашек.

— Ты серьезно!?

— Абсолютно. Не я, так кто-нибудь другой. И не факт, что он был бы праведник.

— То есть ты ещё и...

Резко встал, отрезвляя.

— Нет, но почему я должен был ей отказать, Свет?

— Это мерзко.

— Разве?

— Она же влюблена, ну...

— Влюблена? Тем более. Её отец — мой хороший знакомый — год назад выгнал её из дома за... — Помолчал. — Связь не с той компанией. Я её встретил, выделил комнату.

— И?

— И спустя месяц...

— Она оказалась в твоей кровати?

Да чему он ухмыляется, придурок!? Разве так можно!?

— Артем, это называется созависимые...

— Не умничай.

— Ты её к себе привязал.

— Не умничай, пай-девочка.

— Так нельзя, дурак. Ей... Как ей выплывать-то из этого!?

— Ревнуешь? Это её инициатива.

— Греть тебе постель?

Его шаг вперёд... Да как же раздражает! Рванула мимо, уходя в зал. Щёлкнула включателем со всей силы, плюнув на ведро и все остальное.

— Что хромаешь?

— Не твоё дело.

— Слушай, ты же тогда в универе тоже не испугалась, да?

— Не твоё дело. Ты импульсивный придурок, ясно?

— Злишься?

Нет, пыхчу спокойствием. Надо... Меньше... Материться.

Вторая причина

Артём, ну!?

— Так ты завуч? И нужны тебе эти проблемы за три копейки?

Что там? Призвание? Какое призвание? Слушать чужие обвинения? Быть материально ответственной?

Не нравится ей разговор, вижу. Поэтому переводит на сына.

— Всегда так реагирует? До него совсем нельзя дотрагиваться?

А я не уверен, что готов раскрывать свои тайны перед ней. Но паучок похоже и правда что-то в ней там нашёл. Потому я оцениваю её взглядом с головы до ног, немного прикусывая язык у щеки. Но всё-таки задаю вопрос:

— Заметила периодичность сегодня?

Вроде кивнула, не суть. Раз решился, начинаю объяснять то, во что не вникала Нина. Той было всё равно. Почему эта слушает и ловит каждое слово?

— При случайном - замирает. При втором - пытается отдалиться. При третьем - вырваться. Дальше - неконтролируемая истерика. И поверь мне, это у нас ещё огромный прогресс.

Задумалась, продолжая разглядывать ночь в окнах.

— Сказкотерапию мы тоже проходили. Так что Америку

ты не открыла, но... спасибо, они раньше его не успокаивали.

— А как... Улучшения?

Сел на диван, осматриваясь. Ведро с цветочком всё же забавное...

— Ну, бывают откаты, как сегодня, но он в принципе стабилен, поэтому с Мартой перешли к более сложному, типа прогулок одному.

Обернулась, и в глазах её проскользнуло волнение с беспокойством да материнской нежностью. Только зачем это мне?

— А Марта кто?

— Не суть... Так что там, Светик? Муж же меня не одобрит?

Забавно морщится.

— Ладно, понял, молчу, почти осознал. Хочешь стишок?

Отвернулась обратно, словно я стене вопрос задал.

Поэтому дерзко ложусь на диван, всматриваясь в старенькую плитку на потолке. Всё равно услышит.

Она не мой типаж, всегда казалась высокомерной и до тошно правильной, вот как сейчас, словно знающей всё наперед.

Один её взгляд, и хотелось сорваться куда-нибудь подальше.

— *"Ты такая ж простая, как все, как сто тысяч других в России."*

А плечи-то напряглись...

Всегда интересовался иными, более лёгкими, более улыбочивыми. Сколько раз я видел её улыбку? А взгляд, не пойми что выражающий? Один к тысяче?

— *Знаешь ты одинокий рассвет, знаешь холод осени си-
ний.*

Поэтому, да, я игнорировал и не воспринимал как правильный компонент.

А сейчас? Даже не обернется. Ледышка.

— *По-смеиному я сердцем влип, да по-глупому мысли за-
нял.*

Мне же просто захотелось узнать, что она из себя представляет не на словах Алины.

— *Твой иконный и строгий лик по часовням висел в ряза-
нях.*

И что? Зачем эта важная дама мне?

Ладно, сыну понравилась, Нина в восторге — мамочку в конце концов распознали. Ладно, брат с ней похоже породнится.

А я?

— *Я на эти иконы плевал, читил грубость и крик в повесе,*
До сих пор в шоке, что моя никудышная шутка (просто на зло Алинке) тогда вызвала далеко не страх.

Стыдно, что прижал к стене при всей аудитории, ну... Помню, как вырвалась и с пар сбежала, больше в тот день не появившись.

— *А теперь вдруг растут слова самых нежных и кротких*

песен.

Она трепыхала? Вот эта тогда ещё не повзрослевшая Мэри Поппинс, серьёзно!?

— *Не хочу я лететь в зенит, слишком многое телу надо... Что ж так имя твоё звенит, словно августовская прохлада?*

Права. Я считал её абсолютно, нет, совершенно иной. Не такой, хотя, может, это просто прошедшие года. Я же тоже изменился, наверное? Верно.

— *Я не нищий, ни жалок, ни мал и умею расслышать за пылом: с детства нравиться я желал кобелям да степным кобылам.*

Эта повзрослевшая пай-девочка куда интереснее той зажатой правильной дикарки.

— *Потому и себя не сберег для тебя, для нее и для этой. Невеселого счастья залог — сумасшедшее сердце поэта.*

Так сложно тогда было быть самой собой при мне?

Что мешало? Мне похоже чуточку жаль узнавать её только сейчас.

— *Потому и грущу, осев, словно в листья в глаза косые...*

Что мешает сейчас обернуться? Гордячка? Кому нужна эта гордость? Ей самой? Не уверен.

— *Ты такая простая, как все, как сто тысяч других в России.* "*"

Оборачивается, едва присев на подоконник.

— Ну, пятерку заслужил?

— Ты, как и раньше, неплохо читаешь, но неумело интерпретируешь. И, думаю, тебе пора, верно?

Верно. Хорошо держится, я бы поверил, если бы один раз уже на это показное безразличие не наступил. Встаю с дивана, направляюсь к обуви.

— Кстати, ты пообещала завтра посидеть с Никитой. Всё в силе? Приедешь?

Сердится, посматривая на дверь за моей спиной.

— Ты вообще с ним время проводишь? Может, у вас все проблемы сейчас от этого?

Рассмеялся, серьезно. Ну, зачем ей знать, что я тоже буду дома?

— Не умничай. Я тебе тоже самое о муже могу сказать, Свет. Слово в слово: Ты вообще с ним время проводишь? Может, у вас все проблемы сейчас от этого? - Даже повторяю, а она не реагирует. - Ждать тебя?

Выдохнула, кивнула.

— Теперь доброй ночи.

И... пока она там замок не сломала, пытаюсь меня "бесшумно" выпустить:

— Муж в Инсте у тебя ничего, симпатичный. Я тебя зафолловил уже, не переживай. Его заодно тоже.

Вот, и дверь сразу открылась не иначе как силой пробивного Есенина. Умел он сердца заставлять гореть, конечно. А мне ещё как-то добираться домой.

И стоило оно того разве?

* С. Есенин — "Ты такая ж простая, как все...", 1923.

Будущим разговором

Свет мой зеркальце, скажи...

Не могу понять своё волнение с самого утра, но ещё больше не понимаю своё желание оттянуть поездку туда.

В конце концов, чего бояться? Ничего особенного не произошло и не произойдет.

Но меньше всего на свете мне хочется допустить Никитину мысль о том, что сейчас я откладываю встречу из-за произошедшего с ним вчера. Меньше всего на свете мне хочется, чтобы Никита подумал, что он в чем-то виновен.

Это не так...

Поэтому я все же сажусь в такси, заодно захватив пирожные из любимого магазинчика неподалеку. Подключаю наушники, погружаясь с головой в сильные иностранные голоса и безумно красивые проигрыши, заодно думая, как не проиграть самой, случайно не положив сердце к его ногам.

Глупо ругать и бичевать себя за содрогание и ноющую боль, что растекается внутри каждый раз, как я его вижу.

Я давно к ней привыкла, за десять лет мы прилипли друг к другу, прижились, боясь и одновременно желая увидеть его на углу какого-либо популярного места.

Моё одиночество никогда не следовало за мной по пятам, оно не досаждало и не осаждало. Я жила так, как было бы правильнее, легче.

Оно лишь являлось ко мне темной ночью или случайным прохожим, удивительно похожим на того мальчика, что единственный заставлял сердце биться и трепетать одним лишь своим существованием.

Этот мальчик давно вырос, в нём уйма недостатков, он накопил кучу проблем, хоть сам считает иначе, и я ему никто, чтобы вникать в его жизни, но всё так же глубоко-глубоко я ловлю себя на запятанной запретной мысли, что он мой человек.

Как моя музыка. Как мой взгляд на эту жизнь.

Он — то, что цепляет один раз и навсегда, и это не объяснить ничем.

Мне бы хотелось, чтобы все было иначе, но...

Моё одиночество — отличный напарник и едва ли покинет меня, от того и эта боль растеклась внутри о потерянном, а точнее даже не приобретённом.

Выключила музыку, только подъезжая к дому, тут же замерев и вслушиваясь, не сразу осознав то, что раздавалось из дома.

Похоже, не я одна так помешана на музыке, верно?

"Thought I couldn't breathe without you, I'm inhaling"

[Ты думал, что я не смогла бы дышать без тебя, но я делаю вдох.]

Одинокий нарастающий вокал девушки восходит каждой строчкой вверх, переплетающий едва слышимый бэк, заставляющий содрогаться ритмом, что сейчас отбивнется в что-

то схожее на электро и барабаны. А потом припев, и я начинаю понимать.

Таксист тоже, кажется, ошарашен, начиная искать в поиске это нечто.

Все, кажется, просто. Это изменённая "Непобежденная" в оригинале "Survivor" знаменитых Destiny's Child, которую по праву знает, наверное, каждая или каждый, кто хоть как-то сталкивался с музыкой нулевых, а точнее 2002.

— Ищите по припеву, он почти идентичен.

"I'm a survivor [Я — борец,]

I'm not gon' give up [Я не собираюсь сдаваться,]

I'm not gon' stop [Я не собираюсь останавливаться.]

I'm gon' work harder" [Я приложу ещё больше сил]

Но это лучшее звучание, без шуток. Поэтому я следуя примеру таксиста и открываю поиск, хоть мы и стоим уже с минуту на месте, не замечая, что Таксометр ещё не закрыт.

Я не знаю, что сказать Артёму при встрече, но вкус у него неподражаемый, и хотя бы за включенный повтор, доставляющий эстетический восторг, стоит прошептать мерси. Не в глаза, конечно...

Замечаю, как из дома выбегает Никита, останавливаясь на ступенях. Приходится довольствоваться тем, что таксист песню все же нашёл, как и протянутую купюру.

Мне хочется обнять этого мальчишку, но вовремя одергиваю себя, радуясь собственной улыбке и его нетерпению, сквозь который все же замечаю некую настороженность.

Ожидание осуждения? Нет уж, не от меня.

Следом за 2wei идёт "I'm only human" 16-ого года, и я понимаю, что с музыкальным вкусом у Артёма с годами случилось тоже самое, что было у меня с самого начала.

Кто-то вышел из рамок одного стиля, и это вызывает моё лёгкое уважение.

Если бы не эти одинокие его глаза напротив, конечно, что принадлежат маленькой израненной душе...

— Ох, и вкус у твоего папы.

Мальчик смеётся.

— Прикольный?

— Не то слово, Никит. И знаешь, что самое прикольное?

— Подражаю его интонации.

Он заглядывает в мои глаза, будто не замечая пакет с вкусняшками.

— Что я слушаю тоже самое...

И, кажется, я сказанула сейчас что-то лишнее, ибо этот зажегшийся огонек в темноте бездонных омутов, от которых сводит каждую клетку, не обещает ничего хорошего.

— Ну, пойдем, мой хороший?

Кивает, убегая вперёд в своих забавных шортах. Я отгоняю от себя мысль схожую на "Как я могла не заметить?", разве я мать, разве я разбираюсь, разве...

Но... как я могла не заметить, что ни разу за наше знакомство к нему никто не прикоснулся помимо вчерашнего случая.

Разуваюсь, замечая, что вчерашний срач так никуда и не делся. Ко мне вылетает Нина, скользя по паркету в гетрах, что доходят до более менее приличных шорт, желающая обниматься.

Объятия перетекают в следующую композицию, а я замечаю, что... дайте мне его плейлист, я там не боюсь помереть, серьезно!

Он же в моем копался, я требую реванш! Это что за третье (а, нет, четвертое) попадание 100 из 100, эй!? Так нечестно.

Проходим в зал...

— Вы не думаете, что стоит прибраться?

Нина пожимает плечами, упав на дорогуший, но заваленный мусором диван.

— Зачем? Завтра придет Агния, уберет тут всё.

Ушам своим не верю... Хотя нет, почему, верю, что ещё от них ожидать?

Зато Никита возвращается с подносом апельсинового сока, который даже поставить некуда. Спешу скинуть пустые жестяные банки вместе с шуршащими пакетами от снеков.

Куда смотрит этот прохиндей!?

Вспоминаю про забытый пакет с пирожными...

— Таак, молодежь. Либо мы сейчас наводим тут порядок, либо я...

Думаю, что их могло бы сподвигнуть поднять свои ленивые тельца с дивана.

— Либо я уезжаю.

Откуда-то со второго этажа раздаётся не то дабстеп, не то... Ой, всё, закройте мне уши, хочу его топ-лист.

Это как рекомендации "Для Вас" в одной социальной сети, но если там бывают осечки, хоть и составляют скрипты, то тут пока 1 к 1.

Несправедливо.

Не сразу понимаю, что дети уже давно вздохнули и принялись создавать видимость уборки, пряча мусор во все доступные углы.

— Эй! Я вообще-то пока не слепая. Бегом за мусорным пакетом, и веник с совком прихватите, если он в этом доме водится.

Музыка становится тише, мусор не думает заканчиваться, сама не замечаю, как начинаю парить в воздухе, танцуя под всё, что слышу.

Нина рядом хохочет, снимая меня в сторис, что немного смущает, Никита подражает мне, получая в ответ мою самую искреннюю улыбку.

Виновник торжества так и не спускается, и пусть будет так. Без него проще.

— Блин, это как пилюля после вчерашнего, прям кайф! — Пищит, не сразу поняв, что этой глупостью заставила "почти брата" затормозить и потеряться в собственной неуверенности.

Так, как придать ему сил, не обнимая?

— Да, Нина, твой коктейль был и правда ужасным, ничего

не помню.

Если бы я пила ещё, конечно.

Но, кажется, сработало. По крайней мере Никита снова принялся за уборку, хоть и пересиливая собственный стягивающий движения страх... Страх быть причиной проблем других.

Где там его отец? Мне снова хочется высказать ему пару ласковых. В этом доме нет боксерской груши? Я бы сейчас что-нибудь поколотила...

Словно услышав мои молитвы, виновник присвистнул откуда-то с лестницы. И видит Бог, эта тряпка из моих рук полетела совершенно случайно. Ладно, что грешить, не случайно.

— Эй, дамочка, полегче!

"Эй, дамочка" выдыхает, поднимая голову и тут же жалеет об этом. Спортивный домашний костюм, ммм...

ВНОА, время, ты неправдоподобно тормозишь, сталкивая меня с локомотивом его уюта! Так нельзя, давай, нормально беги.

Вот, и Никита рядом упал на диван, почувствовав мою слабость. Вот и Нина последовала его примеру, а я... А я так и стою.

— Ты хорошо двигаешься, Свет. А ловкая какая...

Поднимаю руку.

— Отвали, ладно?

— Привезла что-нибудь? Мы ещё не завтракали.

Не знаю, чему поражаться, не то его наглости, не то их голоду, и заискивающим стрелам от всех троих.

Вроде не нанималась, да? Тогда почему...

Почему пакет из рук падает, а рот выдает:

— Пирожные, но... где тут кухня?

— Я провожу. — Вскакивает Никита.

Только его отец обрывает порыв.

— Заканчивайте уборку, я сам.

И почему никто не спорит?

Встречаюсь взглядом с Ниной, а следом и с Никитой, понимая, что впереди ждут меня два совершенно разных непростых разговора.

— А картошка есть?

— Да шут знает, должна быть, Аглая в курсе..

— Значит, иди ищи и бери ножик сразу.

Искренне удивляется, расслабленно шагнув на ступень ниже.

— Это зачем ещё? Ты и так вполне вкусная.

Я белею, холодею, боясь обернуться вновь.

— Ты... Чистить... Иди..

Смеётся троглодит.

— С армии этим не занимался.

— Никогда не поздно вспомнить умения. — Хлопая в ладоши. — Бегом, Тём, бегом!

Первым пока не вытащенным осколком

Лан-Лан-Светлан.

И лучше бы я держала мысли при себе и сама все сделала, ибо у меня душа сейчас оборвется.

— Ты потоньше можешь? — Стараюсь без обвинений, честно. Это просто вопрос, да.

— Я могу понежнее, хочешь?

Ясно, спасибо, молчу, терплю, жду, размораживая кусок говядины. О, мультиварка, о, морковь, о...

— Как спалось, солнышко?

Тихо. Мы не материмся больше, Света.

— Прекрати.

— Ты ж рыжая, ну... — Показал остриём ножа, обернувшись. — И конопатая немного. Убил дедушку лопатой, и вот это всё.

Цежу:

— Спасибо, так приятно, ты бы знал.

— Поэтому лучше быть солнышком, да, Светик?

— Лучше быть просто Светланой.

— Хорошо. Просто Светлана, я достаточно тонко чищу сейчас?

Побуждает вновь подойти и заглянуть через плечо. И пока

я теряю контроль, оценивая достаточно ли тонко он чистит для моей душеньки, резко разворачивается, вжимая меня в холодильник позади, тут же наклонившись куда-то в сторону моей шеи и, пока я борюсь с картошкой и острым ножом в его руках, целует... Да... шею. Да, одним смакующим касанием.

Тут же отскочил, облизнув губы.

Грудная клетка пробита насквозь, не иначе.

— Не удержался: с ночи этого безумно хотел, извини. Ты, знаешь, надевай что-нибудь с воротом, ладно? А то досо-блазняешь, искусаю, всю пометив.

— Я вообще не...

— Да-да, бла-бла, ты замужем и поди счастлива. Ну, я дальше к картошке, или признаешь, что тоже хочешь продолжить?

Где-то рядом что-то звонко падает. И нет, это не только моё никудышное, глупейшее сердце. Оборачиваюсь к двери, заметив слёзы на Её щеках, что через миг ускользнули.

Выплываю.

— Какая же ты скотина...

Рвусь за ней, стараясь не слышать ухмылку. Он снова... Он же знал, что она придёт, да?

Как тогда, десять, мать его, лет назад. "На глазах у Алины" перетекло в "на глазах у Нины". Меня так здорово использовать, серьёзно? Я так очевидна!?

Девочка выбегает из дома, хлопнув дверь так, что окна

задрезали.

Выбегаю следом в одних носках, пытаюсь догнать эту резвую козу по кочкам преддомовой территории.

— Нина! Твою ж... Нина!

Нет, всё же годы берут своё... Да, ага, сейчас, ага, что я её не догоню что ли? Ага, размечталась.

Ускоряюсь, слыша "Иди к чёрту" и прочие посылы в всём направлении.

— Стой, Нин, в последний раз...

Слышать не хочет, от чего ускоряюсь, сразу бросаясь и заваливая её на землю. Пытаюсь отдышаться, схватив её руки и придавив к земле, сажусь на нее, заглядывая в глаза со стоящим потоком слёз.

— Даже не пытайся, я натренирована на мелкой сестре, поверь.

Нина сплевывает лезущую в рот травинку.

— Фу, как тут грязно..

— Потерпишь.

Снова слышу порцию посылов.

— Нин, успокойся.

— Что!? Что!? Что ты можешь сказать, ну!? Что все не так!? Что я ошиблась!? Я всё видела, ясно!? Я тебя ещё и подругой считала, блин, а ты...

А вот поток и рухнул по скулам.

— Тише, Нин.

— Ты же знаешь... — Захлёбывается, все меньше пытаюсь

вырваться. — Ты же знаешь, что я его люблю, тогда почему...

Мне хочется оправдаться. Правда. Безумно. Хочется сказать, что я не при чём, что это всё он, но... Это заранее бесполезно.

— Извини, Нин.

Да, это не лучше. Из дома позади раздается какая-то строчка из незнакомой песни вторящая: "Lovin' me". И я не понимаю его, совершенно. Чего он добивается? Хочет за мой счёт расстаться с ней, или что?

Это подло в отношении всех.

Ещё хуже, что чёртово "Lovin' me" вдруг сменяется предыдущим "Кислородом" Артёма Пивоварова. И это просто... Песня цепляющая, не спорю. Но сейчас:

"Ты кусаешь свои губы, ты любишь, когда грубый" и "Ты меня найди, я здесь один. Ты мой кислород. Я твой кислород".

Будь сейчас рядом с ним, я бы убила, честно, и была бы оправдана.

Смотрю на Нину, кусающую губу, но не с тем посылом.

— Что ты с ним сделала!? Это всё из-за тебя, ясно? Что он, сука, в тебе вообще нашел!? Ещё тогда в ресторане, блин! Я же все видела из машины, как он подошёл на этой веранде, твою мать, к тебе со спины! Ясно!? Он тебя мысленно раздел тогда... Блин, да как...

Матерится, вцепляясь наращенными ногтями в запястья, пытаюсь лягнуть и вырваться.

Закрываю глаза, сдерживая ярость, злость и сожаление одновременно. Так, надо прекращать.

— Замри. Поговорим. Не сбегай.

В её порыве отпускаю руки, перебираюсь на землю рядом, отметив, что она не знает, что делать дальше, просто откидываясь на землю и закрывая лицо локтем.

— Нин, давай конструктив, ладно? Я не знаю, что сказать, честно. Начинай сама.

— Зачем...

— Это не конструктив. Ладно, давай сама. Между нами почти ничего нет, я ему никто. — Пропускаю мимо ушей фырканье. — Мы познакомились тринадцать лет назад и, поверь, между нами никогда ничего не было и быть не могло. Тебе показалось. Все это сейчас, я уверена, чтобы просто расстаться с тобой, Нин.

Да, больненько. Да, верить не хочется... не только ей.

— Он просто сваливает на меня этот разговор, вот и всё. Нин, малыш...

Может, мстит за фразу, что он её привязал к себе? Мол, раз догадалась, развязывай сама. Да ну нет...

— Малыш, ты просто невероятная красотка. Знаешь, я тебя когда увидела, с ума чуть не сошла, сравнивая тебя, такую карамельную блонди, с собой. Нин, ты выиграешь любую, поверь, у тебя всё...

— Кроме него.

— Пойми, милая, когда ты ложишься под мужчину. Не

морщись, так и есть... что заведомо сильнее, состоятельнее, старше, умнее, в его доме, в его кровати, на его простынях, вдыхаешь его кондиционер от этих простыней, мужчины, что заранее ставит тебя на роль красивой вещицы...

Больно, да-а.

— Детка, даже если ты этого безумно хотела, ты должна быть либо со стержнем, либо со стальными, извини, яйцами, чтобы не рассыпаться, когда он наиграется. А он наиграется, поверь, потому что...

— Не любит..

— И не любил. Ты обалденная, Нин, поверь мне. Просто, поверь, я знаю лишь одно — любовь — это не то, что вспыхивает от обалденно проведенной ночи, ночей и сюсюканья после. А помимо любви — всё остальное пыль.

— Да откуда тебе...

Усмехнулась, заставив замолчать.

— Поверь, 7 лет была такой же, только я хоть осознавала и не убеждала себя, что получаю от этой пыли удовольствие.

— Но...

— Мы переживём это с тобой вместе, я обещаю. Я научу. Ладно?

Отвернулась на бок.

— Почему нельзя его просто привязать..

Как мне это знакомо.

— Потому же, почему нельзя заставить любить даже саму себя.

Всхлипывает, побуждая лечь рядом и крепко обнять, прижав к себе. Она совсем маленькая глупая, что впитывает первой болью... Жизнь.

И я чувствую себя старой тёткой, что несёт какой-то бред, но я не знаю, как это изменить.

— Ноги болят, Нин, у вас там осколки где-то валяются, да?

Всхлипы начинают редеть. Как и песни... И если он не почистил картофель, я его точно через дуршлаг пропущу.

— Не знаю... может, вчера кто разбил.

— Не сказала ему ничего?

— Мне кажется... Я сейчас подумала... Поняла... что он, ну, понял всё и отомстил так за вчерашнее. Око за око, боль за боль.

Закрываю глаза, вдыхая с ароматом зелени её духи. Я не знаю. Я его не знаю.

Хотя нет, почему? Проходили это, слушала же, сушила же Алинины слёзы, когда у них всё прошло через известную ему одному дорогу.

По средствам разговора

Света.

Если бы я умела так переворачивать ситуацию... Да цены бы мне не было.

Почему-то некстати, только сейчас, вспомнилось, что Нели как-то ещё в самом начале работы сказала, что начальник у нее — "жуть".

И сейчас вместе с Ниной, сидя на диване в зале, мы обе чувствуем себя школьницами.

И если у моей новоявленной однокашницы это состояние души не так уж и забыто, то...

Давно меня так не отчитывали.

Сначала даже пыталась сопротивляться, серьезно не понимая, в чём я виновата, но в конце концов просто закрыла рот после фразы:

— Это по-вашему МХАТ? Вы обе в "Униженных и оскорбленных" пробуетесь? Или что, нынче актуальна "Джейн Эйр", и обе собрались с котомками на дилижанс?

Выдохнул, пока Нина гуглила незнакомый "дилижанс", ну, хоть остальное знает. А я всё смотрю на Никиту и поджимаю израненные ступни. Его сын скрывает волнение, копаясь в телефоне на краю кресла.

Ну, ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.